



4855144

Сундуева Екатерина Владимировна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ  
СРЕДСТВАМИ КОРНЕВЫХ СОГЛАСНЫХ [r/m]  
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ**

специальность 10.02.22 – языки народов  
зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки  
и Австралии (монгольские языки)

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой степени  
доктора филологических наук

Улан-Удэ  
2011

29 СЕН 2011

Работа выполнена в отделе языкознания Учреждения Российской академии наук Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор  
**Шудунова Людмила Владимировна**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор  
**Санжина Дарима Дабаевна**

доктор филологических наук, профессор  
**Дамбуева Полина Петровна**

доктор филологических наук, профессор  
**Чарков Сергей Леонидович**

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»

Защита состоится 4 октября 2011 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Учреждении Российской академии наук Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «2» сентября 2011 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета



Цыбикова Б.-Х. Б.

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность предпринятого исследования определяется теоретическими и практическими задачами современной лингвистики с ее антропоцентрической направленностью, в центре внимания которой находятся языковая личность, вопросы взаимодействия языка и культуры, языковая картина мира, проблемы, связанные с восприятием и осмыслением языковой личностью способов вербализации перцептивного и эмоционального опыта. Современной лингвистике характерно стремление по возможности более полно и адекватно интерпретировать процесс языкового отражения представлений человека, формирующихся в зависимости от типа перцептуального канала получения информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить проблемы языковой репрезентации перцептивной информации как результата первичной ступени познания мира, а также недостаточной степенью изученности языковых единиц, отражающих такую сферу деятельности человека, как физическое восприятие.

В соответствии с многообразием и разнохарактерностью чувственно воспринимаемых объектов и реалий мира рассматриваемый в данной работе материал основан на классификации основных каналов получения сенсорной информации или отдельных органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. С помощью данных пяти модусов перцепции человек воспринимает объекты и явления, попадающие в область его когниции, а затем отображает свое восприятие мира в языке путем комбинирования звуков, способного к дифференциации смыслов.

Работа выполнена в русле комплексного подхода к языку и непосредственно связана с развивающейся лингвистической дисциплиной – фоносемантикой, появившейся на стыке фонетики, семантики и лексикологии. Теоретическое и практическое обоснование проблем звуковой изобразительности является чрезвычайно важным как для самой науки, так и для повышения ее статуса в ряду других лингвистических дисциплин.

В настоящей работе мы придерживаемся синестетической теории происхождения звуко-символизма (С. Ньюмэн, М. Бентли и Е. Вейрон, М. С. Майрон, Ф. Кайнц), согласно которой, в его основе лежат физические свойства звуков.

Важнейшими компонентами психофизиологической основы звуко-символизма, как известно, являются синестезия (от греч. *συναίσθησις* 'одновременное ощущение, совместное чувство') и кинемика (от греч. *κίνημα* 'движение'). Под синестезией традиционно понимается феномен восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств. К кинемам относятся мимические движения, обозначающие физиологические процессы в полостях рта и носа, мимические подражания неакустическим объектам и др.

Исследование базируется на изобразительной системе языка, представленной звукоподражательной и образной подсистемами. Их единицы обладают существенной и относительно устойчивой фонетически мотивированной связью между фонемами слова и признаком, полагаемым в основу именования. Данный лексический пласт обладает рядом признаков: экспрессивность и конкретность семантики, фонетическая гипервариативность, стилистическая ограниченность (разговорная речь, фольклор, художественные произведения) и особый набор словообразовательных формантов, из которых в первую очередь следует отметить глагольный суффикс *-avi* и адъективный суффикс *-yar*, являющиеся самыми надежными «свидетелями» образного происхождения производящей основы.

В данной работе предпринята попытка спроецировать сетку признаков образных корней с «прозрачной» семантикой на признаки так называемой базовой лексики, включающей обозначения природных явлений, элементов флоры и фауны, номенклатуру частей тела, числительные первого десятка, глаголы, передающие элементарные действия и др. Подобный подход открывает широкие перспективы для изысканий в области этимологии, психолингвистики и лексической семантики монгольских языков. Проблема касается не только истоков существующих лексических значений, но и определения системности в лексической организации языка, что также свидетельствует об актуальности предпринятого исследования.

В качестве объекта исследования выступает лексика с корневыми согласными *[r/m]* в монгольских языках, включающая как подражания звуковым явлениям внеязыковой реальности, так и изображения зрительных, вкусовых, обонятельных, тактильных ощущений, механических воздействий, динамических состояний, психологических и иных характеристик человека. Монгольские языки наряду с тунгусо-маньчжурскими представляют особый интерес, прежде всего, в связи с необычайным богатством представленного в них изобразительного материала, часть которого свидетельствует о процессе перехода от звукоподражательных слов к образным. При этом семантический континуум, создаваемый с помощью корневых согласных *[r/m]*, поддается достаточно четкому структурированию.

Предметом исследования являются особенности трансформации семантики лексических единиц с корневыми согласными *[r/m]* в монгольских языках.

Цель исследования – определить принципы организации и развития семантического континуума, создаваемого с помощью корневых согласных *[r/m]* в монгольских языках, выявить его типологические и специфические черты.

Указанная цель определяет выполнение следующих задач:

- разработать системный подход к исследованию лексики, предполагающий анализ семантики лексем с учетом канала поступления перцептивной информации;

- определить спектр изобразительных слов и слов с затемненной этимологией с корневыми согласными  $[r/m]$  и определить в них главный канал поступления информации о денотате;

- изучить звукоподражательные возможности лексем с доминантами  $[r/m]$  в монгольских языках;

- выявить моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к характеристикам зрительного восприятия формы объекта;

- построить фоносемантические поля доминант  $[r/m]$ , отображающие информацию о форме денотата, с выявлением генеральных признаков;

- установить связь между акустико-артикуляционными особенностями согласных  $[r/m]$  и семантикой лексем, возникших в результате актуализации светового, вкусового, обонятельного и осязательного восприятия.

**Гипотеза** исследования заключается в том, что семантика монгольских лексем, связанных чувственным восприятием, зависит от акустико-артикуляционных признаков доминанты, символически положенных в основу номинации производных. Согласный  $[r]$  способен «озвучивать» работу экстеро- и интероцепторов, передающих внутренние полярные (преимущественно неприятные) ощущения и состояние возбуждения. Согласный  $[m]$  благодаря смычке губ служит для выражения значений, связанных с тишиной, сжиманием, собиранием воедино. Анлаутные и ауслатные согласные корня служат для интенсификации значения, заложенно доминантой. Образные значения лексем, содержащие информацию о форме объекта, возникают в результате синестетического переноса «слух – зрение».

**Степень научной разработанности проблемы.** Проблема звуковой изобразительности неизменно привлекала внимание исследователей. Изучению звукообразности посвятили свои труды такие зарубежные и отечественные исследователи, как Д. Болинджер, Т. Кауфман, Х. Марчанд, Г. Мердок, Ю. Найда, С. Ньюман, Э. Сепир, И. и М. Тейлор, С. Ульман, Дж. Ферс, Л. Хинтон; С. В. Воронин, А. В. Михалев, А. М. Газов-Гинзберг, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий, В. И. Шаховский и др.

Изобразительная лексика алтайских языков рассматривалась Г. Рамстедтом, Н. И. Ашмарином, Н. К. Дмитриевым, М. Биттнером, А. Н. Кононовым, Л. Н. Харитоновым, Н. Б. Киле, Т. И. Петровой и др. Н. И. Ашмарин первым занялся изучением звукообразноподражательных слов, опубликовав ряд работ о подражаниях в чувашском языке [1918; 1925; 1930]. Исследования Н. К. Дмитриева, посвященные мимемам тюркских языков юго-западной группы, дали толчок к изучению данной лексической группы в других тюркских языках: туркменском, каракалпакском, башкирском, казахском, киргизском, хакасском, якутском [Исхаков, 1951; Кудайбергенов, 1957; ГХЯ, 1975; Харитонов, 1947].

В монголоведении А. А. Бобровников впервые рассмотрел категорию изобразительных слов в «Грамматике монгольско-калмыцкого языка»

[1849]. Г. Д. Санжеев относит звукоподражания к категории междометий [1941], Д. А. Алексеев звукоподражательные и мимико-подражательные слова относит к наречиям, отмечая, что они обозначают не отдельное понятие, а целый образ [1941]. В 1958 г. в отдельной статье Ц. Б. Цыдендамбаевым проведен структурно-морфологический анализ изобразительных слов в бурятском языке, выявлены их синтаксические функции. Другая статья Ц. Б. Цыдендамбаева [1960] посвящена сравнительному описанию изобразительных слов в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках.

Наиболее детальное и разностороннее изучение бурятских образных слов с привлечением большого количества фактического материала предпринято в монографическом труде Л. Д. Шагдаровым [1962]. Данное издание не только дает исчерпывающее описание системы изобразительных слов в бурятском языке, но и является основой для ее изучения в дальнейшем.

Изобразительные слова в качестве образных средств в бурятской литературе рассматриваются Д. Д. Санжиной [1991, 2009], Ц. Ц. Бальжинимаевой [1999]. В калмыцком языке рассматриваемая категория слов исследовалась Б. Б. Манджиковой [1976, 1981]. В 1983 г. по данной теме ею была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

В отличие от тюркологии монголоведение не располагает большим количеством исследований по этимологии. В плане семантической реконструкции монголоязычной лексики несомненную ценность представляет корневой словарь монгольских языков, созданный ученым из АРВМ КНР Сеченчогту [1988], в котором даются монгольские корневые морфемы с привлечением тюркских параллелей.

Монгольский материал в сопоставлении с алтайскими языками широко представлен в «Этимологическом словаре алтайских языков» [EDAL], составленном коллективом авторов: С. А. Старостиным, А. В. Дыбо, О. Мудраком (при содействии И. Грунтова и В. Глумова), а также приводится в качестве параллелей в семитомном издании «Этимологического словаря тюркских языков» и двухтомном издании «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков». Семантическая реконструкция монгольских соматических терминов (плечевого пояса) предпринята в работе А. В. Дыбо [1996].

Проблемам этимологии монгольского лексического фонда посвящены работы М. Базаррагчаа, Ц. Өнөрбаяна, А. Лувсандэндэва, П. Бямбасана, Ш. Чоймаа, Ш. Барайшира, Ц. Шагдарсүрэнэ и др. Так, М. Базаррагчаа принадлежит четырехтомная монография «Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь» [1992, 1995], в которой автором освещаются некоторые аспекты взаимосвязи звука и смысла. Также в качестве источников по этимологии можно следует работы Т. А. Бертагаева, Б. Я. Владимирцова, Л. Лигети, Н. Н. Поппе, Г. Ц. Пюрбеева, Г. Рамстедта, В. И. Рассадина, Г. Д. Санжеева, Б. Х. Тодаевой, С. Л. Чарекова и др.

### Методологическая и теоретическая основа диссертации.

Среди работ, послуживших теоретической базой настоящей диссертации, следует назвать труды С. В. Воронина, А. Б. Михалева, А. А. Леонтьева, А. П. Журавлева, В. В. Левицкого, А. М. Газова-Гинзберга и др. Методологической базой исследования также послужили положения современной ономазиологии и лингвистической семантики. В трудах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Н. Д. Голева, Д. Кацнельсона, Г. В. Колшанского, Н. Г. Комлева, Е. С. Кубряковой, Б. А. Серебренникова, В. Н. Телия, Ю. С. Степанова, А. В. Суперанской и др., представляющих ономазиологическое направление исследования языка, изучается номинативная или репрезентативная функция языковых единиц. Методологическими ориентирами также послужили труды специалистов по языковой перцепции: А. Вежицкой, Г. И. Кустовой, Г. И. Рузина и др. Построение гипотезы исследования, а также интерпретация эмпирических данных предопределили обращение к работам в сфере психофизиологии, паралингвистики, этнолингвистики, антропологии, философии и др.

Диссертация основывается на общенаучных принципах познания: анализе, синтезе, индукции, типологизации, аналогии и сравнении; на диалектическом принципе взаимосвязи объективного и субъективного, принципе системного и сравнительного анализа. Используемый в работе системный подход к проблеме звуковой изобразительности базируется на принципах междисциплинарности и эмпиричности.

Для решения поставленных задач в исследовании используются следующие методы:

- описательно-синхронический метод;
- фоносемантический анализ, направленный на установление корреляций между артикуляционно-акустическими характеристиками звуков и лексической семантикой;
- компонентный анализ;
- метод фоносемантического конструирования, предполагающий построение фоносемантических полей на основании гипотетической соотносительности корневых согласных  $[r/m]$  различным ядерным значениям;
- сравнительно-сопоставительный метод;
- метод статистического анализа и содержательной интерпретации материала.

**Научная новизна** исследования заключается в новом целостном подходе к изучению лексического состава монгольских языков, основанном на проецировании признаков изобразительных слов, восходящих к определенным звукам и образам, на признаки базовой лексики монгольских языков. Несмотря на то, что в процессе эволюции языка система изобразительных слов в монгольских языках постепенно была вытеснена на периферийную позицию, она «пронизывает» весь основной корпус базовой

лексики монгольских языков, о чем свидетельствуют результаты предпринятого исследования. В работе впервые предпринята попытка категоризации и вербализации физических ощущений, кодирующих фрагменты субъективной сферы личности, внесения категориальной четкости в недостаточно структурированное на данный момент семантическое пространство изобразительных слов.

В диссертации вводится новое понятие *доминанты*, носителя генерального признака. Впервые выделено участие в вербализации ощущений обонятельного и вкусового модусов перцепции, классифицированы лексемы, возникшие в результате языковой актуализации осязательных ощущений, на основе работы экстеро- и интероцепторов.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в том, что в нем проведен комплексный анализ номинативного потенциала согласных  $[r/m]$ , позволяющий установить взаимосвязь между их акустико-артикуляционными характеристиками и значением лексической единицы. Исследование фоносемантических характеристик корневых согласных  $[r/m]$  уточняет лингвистические и психологические представления о связи восприятия и познания. Представленная концепция вербализации чувственного восприятия, основанная на таких понятиях психофизиологии, как синестезия и кинемика, позволяет раскрыть системность и специфику данного процесса в монгольских языках.

Работа вносит определенный вклад в разработку проблем номинации с учетом особенностей национального мировидения, что может способствовать решению таких вопросов, как соотношение языка и мышления, языка и культуры, взаимодействие чувственных и рациональных компонентов в процессах номинации и др. Выявление системы актуализации чувственного восприятия и приемов семантической интерпретации кинетических свойств согласных-доминант способствует дальнейшему развитию общей теории монгольского языкознания, развитию фоносемантической типологии в алтайских языках. Модель языковой актуализации системы восприятия средствами доминант  $[r/m]$  может быть использована при исследовании способов актуализации средствами других доминант не только в монгольских, но и в других языках мира.

**Практическая значимость** работы состоит в создании банка данных образных слов с корневыми согласными  $[r/m]$ , сгруппированных по способам поступления перцептивной информации. Данные материалы также могут быть использованы в лексикографической практике. Результаты проведенного исследования могут найти применение при разработке теоретических курсов по лексикологии монгольских языков, спецкурсов по проблемам мотивированности языкового знака, теории номинации, лингвистической семантике и межкультурной коммуникации.



**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Семантика корня в первую очередь зависит от акустико-артикуляционных свойств ведущего корневого согласного (доминанты), в котором заложена базовая информация о чувственно воспринимаемых явлениях, при широкой вариативности гласных, а также анлаутных и ауслаутных (не доминантных) согласных;

2. Доминанта *[m]*, обладая ограниченными звукоподражательными способностями, служит для формирования поля нулевой фонации;

3. Звукосимволические значения лексем с доминантами *[r/m]*, актуализирующих информацию о форме объекта, являются результатом семантической эволюции звукоподражательных значений;

4. Согласные *[r/m]* служат для актуализации противоположных признаков: «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «мужской ↔ женский», «яркий ↔ тусклый», «кислый ↔ сладкий», «шершавый ↔ пушистый», «твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный»;

5. Такое акустико-артикуляционное свойство согласного *[r]*, как дрожание кончика языка, способствует выражению в монгольских языках признаков, в большинстве случаев связанных с внутренним дискомфортом, неприятными ощущениями и чувствами (громкость, яркость, боль, холод, страх, стыд, зависть и др.). Кроме того, с его помощью может передаваться возбужденное состояние организма (счастье, любовь, страсть и др.);

6. Большинство лексем с доминантой *[m]* возникло на основе такой кинетической характеристики согласного, как смыкание губ.

**Материалом для исследования** послужили различные лексикографические источники: двуязычные, этимологические и толковые словари и пр. В исследовании также использовались диалектологические и фольклорные материалы, экспедиционные записи.

Формы из старописьменного монгольского языка приводятся в соответствии со словарями О. М. Ковалевского и Ф. Лессинга со ссылками. Формы, не имеющие ссылок, а также формы халха-монгольского языка приведены в соответствии с «Большим академическим монгольско-русским словарем» [2001–2002]. Рефлексы из бурятского, калмыцкого языков и языка ойратов Синьцзяна без ссылок приводятся на основе «Бурятско-русского словаря» Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова [2006, 2008], «Калмыцко-русского словаря» под ред. К. М. Муниева [1977] и «Словаря языка ойратов Синьцзяна» Б. Х. Тодаевой [2001]. Данные по ордосскому и южно-монгольским языкам берутся из «Etymological dictionary of Altaic languages» С. А. Старостина, А. В. Дыбо, О. А. Мудрака (при содействии И. Грунтова и В. Глумова) [2003] со ссылками. Рассматриваемая лексика дается в орфографии источников.

Среднемонгольские формы выбраны как из восточномонгольских, так и западномонгольских памятников: *Тайная история монголов* (сер. XIII в.); китайско-монгольский словарь *Хуаи шуй* Хо Юаньцзе и

Машаихэй (1389 г.); арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь *Мукаддимат ал-Адаб* (XIV в.), арабско-монгольский словарь *Китаб Хийят ал-Инсан ва Халбат ал Лисан* Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.); арабско-персидско-турецко-монгольский словарь *Шамиль ул-Луғат* (кон. XV – нач. XVI в.); монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь *Китаб Маджме' Тарджуман Турки ва 'Аджамй ва Муғали ва Фарси* Халила б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (1343 г.). Преклассические монгольские формы даны по изданию Д. Тумуртоого [2006].

В целях выявления типологически сходных и специфических мотивационных признаков нами привлекается лексика других алтайских языков с корневыми согласными [r/m], однако, на наш взгляд, необходимо проведение идентичных исследований на материале тюркских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков.

**Апробация работы.** Основные положения исследования нашли отражение в докладах и выступлениях на международном симпозиуме по монголоведным исследованиям Китая (Хух-хото, 2005), II Байкальской международной ономастической конференции «Имя. Социум. Культура» (Улан-Удэ, 2008), международном симпозиуме «Имена в экономике-3: Имена как язык и капитал» (Амстердам, 2009), международной конференции «Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия» (Улан-Удэ, 2009), IV международном симпозиуме «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему» (Улан-Удэ, 2009), международной школе-семинаре по психологии и когнитологии «Березинские чтения-6» (Москва, 2010), международной научной конференции «Монголоведение в изменяющемся мире: проблемы и перспективы» (Улан-Батор, 2010), межрегиональной конференции «Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры» (Иркутск, 2010), международной научной конференции «Языки и письменные источники монгольских народов», проведенной в рамках Конвента монголов мира (Улан-Удэ, 2010), «Новая эпоха монголоведения» (Улан-Батор, 2011).

Основные результаты диссертации опубликованы в 3 монографиях, а также ряде научных статей по проблеме диссертационного исследования. Апробация представлена публикациями общим объемом 43 п.л. Из них 12 статей общим объемом 6,2 п.л. опубликовано в рецензируемых журналах.

**Структура и объем работы.** Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения и библиографии.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследуемой проблемы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту, излагаются теоретико-методологические основы и характеризуются источники исследования,

определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации.

Первая глава «Морфологическая структура первичного лексического ядра с корневыми согласными [r/m]» посвящена исследованию морфологической структуры общемонгольской лексики с корневыми согласными [r/m], установлению фонетической структуры ядра первичных корневых морфем, выявлению словообразовательных типов, действовавших на ранних этапах эволюции монгольских языков.

В работе нами рассмотрены четыре типа корней:

1.  $V+C_D$  (*ar-a-l, er-e, or-u-nyga, um-ai*);
2.  $C_{un}+V+C_D$  (*ber-e-ge, sür-e-g, nam*);
3.  $V+C_D+C_{aus}$  (*örb-e-lge, ert-e-ger, amč-i-yar*);
4.  $C_{un}+V+C_D+C_{aus}$  (*sorm-u-su, sarb-a-lji, bamb-ai*).

В рассмотренных типах фигурирует от одного до трех составляющих консонантов:

1) согласный-доминанта ( $C_D$ ) является носителем генерального признака. В звукоподражательных словах он передает основной характер звучания. В доминанте образных слов закодирована базовая информация о денотате: его форме, размере, цвете, свойствах поверхности, динамических состояниях, психологических и иных характеристиках и пр. Он может занимать позицию в ауслaute корня (типы 1 и 2), либо в инлауте (типы 3 и 4);

2) анлаутный согласный ( $C_{un}$ ) в звукоподражательных словах индицирует начальную фазу развития звука. В образных словах может либо смягчать, либо усиливать степень проявления генерального признака;

3) ауслautный согласный ( $C_{aus}$ ) в ономотапах моделирует конечную фазу звучания<sup>1</sup>, согласные [s], [d] указывают на моментальность совершения действия. Вносит дополнительный оттенок в семантическую структуру образного корня. Например, фонемы [b], [l], [m], [n] вносят оттенок смягчения признака, [č], [j], [s] – шуршания, шероховатости и др.

Следует отметить, что в монгольских языках представлены и другие типы корней. Например, корень, состоящий из одного только консонанта ( $C_D$ ) \* $\check{J}$ , в лексеме п.-мо. *ǰ-ö-gei* [Less. 1074], мо. *зэгий*, бур. *зугы*, калм. *зэг*, ойр. *зэг* ‘пчела, шершень’, образованной с помощью форманта *-gei* от корня  $\check{J}$ , представляющим собой звукоподражание ( $\check{J}\check{J}\check{J}$ ). Кроме того, можно отметить функционирование изобразительных корней с дифтонгами, долгими гласными: ( $C_{un}$ )+ $V_{diph}$ + $C_D$ +( $C_{aus}$ ) (например, п.-мо. *qaiб-a-yar* ‘мерно покачивающийся’);  $C_{un}$ + $V$ + $V$ + $C_D$  (п.-мо. *γoul* ‘река; долина’, *qour-a* ‘яд, отравка’) и долготными комплексами ( $C_{un}$ )+ $V$ + $C_i$ + $V$ + $C_D$ +( $C_{aus}$ ), где  $C_i$  – интervoкальный согласный [γ/g/y].

<sup>1</sup> Ср. мо. *tülk-e-* и рус. *толк-ать, бульк-ать, с-молк-ать, чирк-ать* и др.

Удлинение звукоподражательного или образного корня в ряде случаев могло быть обусловлено стремлением передать длительность звучания, интенсивность проявления признака. Например, ср. параллельное функционирование корней \*ber(b) и \*beger в п.-мо. *berbeyi-*, мо. *бэрвий-* 'коченеть, деревенеть от холода' и п.-мо. *begere-*, мо. *бээрэ-*, бур. *бээрэ-*, калм. *beer-* 'зябнуть, мерзнуть'; корней \*kör(k) и \*köger в бур. *хүрхэ* и *хөөргэ* 'кузнечные меха; горн'. Часто удлинение вокалической составляющей корня происходило уже на более поздней стадии развития языков: п.-мо. *süteg* [Kow. 1430], мо. *сүмгэр* и *сүүмгэр*, бур. *һүүмэгэр* 'тусклый, неясный; мерцающий (о свете)'; п.-мо. *ömüger*, бур. *үмэгэр* и *үүмэгэр* 'суженный, сжатый'. Однако данный тип корней, несомненно, требует особого рассмотрения в связи с необходимостью установления номинативного потенциала согласных [ɣ/g] в качестве доминант. Дальнейшие исследования, очевидно, позволят выявить другие типы корней.

Известно, что в монгольских языках, как и в других языках мира, на границе морфем допускаются не все звуко сочетания. В связи с этим в процессе образования производного слова соединяющиеся морфы стремятся к взаимному приспособлению. Так, в ряде случаев наблюдается появление гласного в корне (*emüs-* 'одевать', *parib-a-yar* 'толстый, грубый'), однако наиболее характерна для эпентетических гласных позиция на морфемном шве. Также нами не рассматривается в составе корня конечный гласный, возникший в результате парагоги, т.е. эпентезы, имеющей место на конце слова в целях облегчения произношения на стыке слов. Например, в *em-e* 'женщина' выделен корень \*em типа V+C<sub>D</sub>.

Как отмечалось выше, в качестве доминант в данной работе выступают согласные [r] и [m], выбор которых обусловлен тем, что именно с их помощью в монгольских языках реализуется диада «мужской (эр) – женский (эм)», представляющая собой фундаментальную оппозиционную пару, которая занимает важное место в ряду представлений, отображающих модель мира. Кроме того, они формируют такие базовые оппозиции, как «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный», «шершавый ↔ пушистый», «кислый ↔ сладкий» и др. Предварительные результаты исследования фоносемантических характеристик других согласных в позиции доминанты свидетельствуют о том, что их в целом можно разделить на два класса: твердые/сильные и мягкие/слабые. К твердым кроме [r] относятся аффрикаты [ʃ] и [ç], к мягким – сонорные и смыхные [l], [n], [b], что решающим образом зависит от кинетических особенностей фонем.

Доминанты [r/m] обладают следующими акустико-артикуляционными характеристиками. Ртовый, переднеязычный, дрожащий сонант [r] артикулируется кончиком языка, немного приподнятым над остальной его частью. Кончик языка пассивно колеблется в струе проходящего воздуха,

образуя одну или несколько кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол. Известно, что в алтайских языках согласный [r] является одним из звуков, не встречающихся в позиции корневой инициали. Кроме того, для него неприемлема недоминантная позиция в ауслaute корня.

Носовой, билабиальный сонант [m] образуется смыканием губ при одновременном опускании небной занавески, что обуславливает одноканальный выход воздушной струи через полость рта, губы при этом напрягаются очень слабо. Данный согласный, напротив, обладает способностью выступать во всех трех позициях корня.

Доминанта, по сути, представляет собой инвариант, допускающий вариативность других консонантных элементов корня и практически свободную вокалическую вариативность. Исследование вокалических чередований в образных корнях показывает то, что они не обладают способностью кардинально менять семантику, заданную консонантным составом корней.

Корневая звукоподражательная морфема представляет собой последовательность дифференциальных признаков того или иного звучания, отражающих стадии его произнесения. Комбинирование звуков в конечном итоге приводит к дифференциации смыслов, что подтверждает возможность ментального разложения звука в своеобразный артикуляционный спектр.

Ядерные изобразительные значения складываются из семантического потенциала трех консонантных компонентов корня. Очевидно, что позиции анлаутного и ауслautного консонантов менее значимы, нежели позиция доминанты. Наблюдаются случаи, когда один и тот же тип согласных как в анлауте, так и в ауслaute служит для передачи одного значения. Так, от корней \**ir*ǰ*ir*š ↔ \**sir* образованы п.-мо. *ir* ǰ-*gir* ‘шершавый, грубый’ и п.-мо. *sir*ü*gün* ‘шероховатый; жесткий’; от \**örs*/ǰ*r* ↔ \* *jör* – п.-мо. *öris*ü*dü* ‘соперничать, оспаривать’ и *jör*i*ldü* – ‘противоречить, пререкается’.

Более 36 % корней способны самостоятельно передавать конкретное предметное значение, около 6 % из них могут оформляться конечной согласной [n]. Фонетическая структура этих существительных может либо полностью совпадать с таковой корня, либо дополняться конечным гласным, возникшим в результате эпентезы согласно законам морфонологии. Например, *ǰer* ‘оружие’ [Kow. 2324], *ir* [Kow. 318] ‘лезвие, острие’; *čar* ‘верхний слой снега’ [Kow. 2026]; п.-мо. *šoru* ‘вертел’ [Kow. 1542]; п.-мо. *čembe* [Kow. 2120] и др. Очевидно, эти существительные появились в языке как наиболее характерные «воплотители» передаваемого ими образа.

Основная часть субстантивных форм (64 %) с доминантами [r/m] оформляется первичными словообразовательными формантами, которые разделены нами на три условные группы: 1) «группа -*day*», состоящая из аффиксов, оканчивающихся на согласный [ɣ] и формирующая 21 % субстантивов; 2) «группа -*dai*», включающая форманты, оканчивающиеся на

дифтонг. На их долю приходится 11 %; 3) прочие аффиксы, включая сложные форманты, делящие между собой оставшиеся 30 %.

«Группа *-day*»: *-y(a)*: *čerig* 'войско', *čimeg* 'украшение', *örmüge* 'рогожа', *tarbay-a* 'тарбаган'; *-day*: *samalday* 'ноздри', *sariday* 'голец', *temdeg* 'метка'; *-nay*, *ngy-a*: *arangy-a* 'помост'; *kemneg* 'утроба'; *qorkinay* 'горошек'; *-lay*, *-ly-a*: *\*berteleg* 'волчонок'; *bömbülig* 'шар'; *járliý* 'приказ'; *-čay*: *boryučiy* 'шишка', *darčiy* 'флажок', *kirumčay* 'ливер'; *-may*: *arýamay* 'скакун', *barimay* 'воловик', *marjímay* 'чечевица'; *-say*, *-sy-a*: *sarimsay* 'чеснок', *qurísay-a* 'ягнячья шкурка'; *-ray*, *-ry-a*: *namury-a* 'роса', *qomury-a* 'круг, сомкнутый охотниками';

«Группа *-dai*»: *-ai*: *arbai* 'ячмень', *čirai* 'лицо', *umai* 'утроба'; *-qai*: *čarčaqai* 'саранча', *erbekei* 'бабочка', *járayaqai* 'мальки'; *-yai*: *burčayai* 'стручок', *jármayai* 'рыбья икра', *qarčayai* 'ястреб'; *-dai*: *barbadai* 'большой палец', *čorbudai* 'славка рыжая', *oryudai* 'женьшень'; *-čai*: *kiruyučai* 'маленький ястреб', *qariyačai* 'ласточка'; *-mai*: *qormui* 'подол', *Marqamai* 'с большим носом' (антр.); *-rai*: *ambarai* 'бот. ягнячья почки', *qomburai* 'род игры в бабки, косточки'; *-nai*: *Tarqanai* 'приземистый' (антр.); *-bai*<sup>3</sup>: *đuranbai* 'подзорная труба'.

Прочие аффиксы: *-y-a/y-a/-yu*: *araya* 'клык', *beriy-e* 'посох', *gürege* 'шейная артерия', *járaya* 'ёж', *járýya* 'иноходь'; *-sun*: *burýasu* 'ива', *örgesün* 'шип', *sormusu(n)* 'ресницы'; *-r*: *amar* 'спокойствие', *amsar* 'отверстие', *tamir* 'сила'; *-l*: *aryal* 'кизяк', *dergel* 'высокогорный тур', *gürbel* 'ящерица'; *-lji(n)*: *siryulji(n)* 'муравей', *tereljji* 'багульник', *tümelji* 'спаржа клубеньковая'; *-yana*: *arjayan-a* 'кузиния', *deresügen-e* 'соломинка', *žergene* 'хвойник'; *-ljiyan-a*: *bürilžegene* 'калина', *gürelžegene* 'сверчок', *kerelžegene* 'полевая мышь'; *-yči(n)*: *eregčín* 'самец', *sarayčín* 'столбик', *sarbayčín* 'обезьяна', *bertegčín* 'щенок (медведя, волка)'.

Каждый из оставшихся формантов образуют менее 1 % субстантивных лексем: *-mji* (*arýatji* 'веревка', *neremji* 'имя', *orumji* 'хижина'); *-m* (*qurim* 'пир', *serjim* 'подношение'); *-lang* (*arkilang* 'муравьиный лев', *čömleng* 'яблоко с пятью косточками', *ersleng* 'львица'); *-bči* (*darabči*, *derebči* 'шпора', *járükebči* 'бурундук', *sarabči* 'сетка для глаз'); *-či* (*sarbači* 'женский головной убор', *urtuči* 'сосуд с узкой шейкой'); *-ui* (*járui* 'бороздоплодник', *járübüi* 'вострец лесистый'); *-ryan-a* (*marčiryana* 'постенница'); -

<sup>2</sup> Последовательность аффиксов дается в соответствии со степенью их продуктивности.

<sup>3</sup> Корни с другими доминантами также присоединяют суффикс *-lai*: п.-мо. *degdegülei* 'прыгунчик', п.-мо. *qongqulai* 'впадина'.

*tyan-a* (*sarkityan-a* 'полевка'); *-rsi* (*bambursi* 'медвежонок'; *bombursi* 'шерстяная ткань'); *-ruu* (*omuruu* 'ключица'; *qomquruu* 'перхоть'); *-nabči* (*sirqunabči* 'чулки').

Большинство из них относится к мертвым, ныне непродуктивным аффиксам, представляющим собой особый интерес как наиболее архаические пережитки грамматического строя данных языков. Как правило, они свидетельствуют о том, что слова, образованные с их помощью, относятся к исконно-монгольскому лексическому фонду.

В результате анализа прилагательных с затемненной образной семантикой, имеющих корневые доминанты [r/m], было выявлено, что 30 % из них функционируют «в чистом виде»: *erke* 'избалованный', *qurča* 'острый', *ori* 'одинокый', *tomu* 'большой', *qara* 'черный', *šoru* 'соленый', *ümüki* 'воночий'. 22 % имеют показатель *-n*: *mergen* 'мудрый; меткий', *örgen* 'широкий', *türgen* 'быстрый', *taryan* 'жирный, тучный', *nimgen* 'тонкий'. На долю прилагательных с суффиксом *-yu* приходится 11 %: *irayu* 'благозвучный', *čiryayu* 'тугой', *čerbegüü* 'далекий, удаленный', *serigün* 'прохладный', *qarayu* 'жадный'. В некоторой степени продуктивны суффиксы: *-γ* (14 %): *soruy* 'короткий', *oruy* 'серый', *tarčiy* 'неурожайный', *qoriy* 'чувствительный' и *-ai* (10 %): *narmai* 'просторный', *qomqai* 'жадный', *šambai* 'крепкий, плотный'. И, наконец, ряд формантов имеет от 1 до 3 производных: *-l* (*sarayul* 'светлый'); *-m* (*bardam* 'чванливый'); *-ngkei* (*yerüngkei* 'общий', *qarangyui* 'темный'); *-deg* (*eremdeg* 'одноглазый'). Как видно, среди перечисленных аффиксов встречаются те же представители, что и в среде субстантивных формантов, что, несомненно, свидетельствует об известном синкретизме семантики словообразовательных суффиксов в монгольском языке.

Среди выявленных в работе глаголов большая часть (70 %) непроеводна: *ere-* 'воспалиться', *örü-* 'ставить в ряд', *širu-* 'рисовать', *soru-* 'сосать', *tama-* 'вить веревку' и др. 9 % рассмотренных в работе корневых морфем функционирует в оформлении суффиксов *-ral-la* (*čimala-* 'хотеть большего', *žemle-* 'обвинять; журить', *imere-* 'сучить нитки', *čomčura-* 'пригibasья', *ümürü-* 'стягивать'); 5 % – суффикса *-yal-ya* (*qariya-* 'ругать', *irüge-* 'благословлять', *tamsiya-* 'чавкать').

В составе 16 % глаголов представлены согласные [k/γ/g]: *čimki-* 'щипать', *ümkü-* 'откусывать', *širke-* 'брезговать', *taryu-* 'спорить', *kirya-* 'резать', *šörge-* 'тереться', *berge-* 'стесняться', *širya-* 'благоденствовать; гаснуть', *ergi-* 'кружиться', которые могут либо представлять собой служебные глаголы *ki-* 'делать', *ge-* 'говорить', либо входить в состав корневой морфемы, моделируя конечную фазу, отголосок звучания. Сопоставление данных примеров с корнями схожей фонетической структуры в русском языке: *мельк-ать*, *щёлк-ать*, *морг-ать*, *порх-ать* позволяет склониться ко второму варианту решения. Возможно, указанные вспомогательные глаго-

лы развились именно из этих ауслатных согласных-«отголосков», постепенно приобрета способность функционировать самостоятельно.

Таким образом, определение структуры монгольского корня, несомненно, продиктовано исследованием словообразовательных формантов, в результате «отсечения» которых извлекается информация о том, каким должен быть корень слова. При этом зачастую возникает трудность разграничения морфов в словах с аффиксами первой и второй групп. Так, согласный [m] в п.-мо. *sarmai* ‘летний сухой помет’ можно расценить и как ауслатный согласный корня, и как консонантную составляющую суффикса. В таких случаях значимым представляется наличие однокоренных слов: такие формы, как *sarmiday* – id., *sarmayčïn* ‘обезьяна, мартышка’, *sarmii-* ‘становиться хрупким; разметаться руками, ногами’ позволяют говорить о функционировании корня \**sarm*, соответственно -*ai* – аффикс.

Следует отметить, что символическое значение согласных в аффиксах не затрагивалось в данной работе, целью которой было изучение корневых доминант [r/m]. Однако не вызывает сомнения тот факт, что звуковой состав аффиксальных морфем также содержат звуко-символический потенциал. В качестве наиболее яркого примера можно привести формант -lʃ, в котором плавный [l] передает плавный, спокойный характер протекания действия, аффриката [ʃ] – напряженный, в совокупности же они передают идею прерывисто-кратного действия.

Во второй главе «**Вербализация слухового восприятия**» характеризуется система ономастических слов с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. В данной работе материал распределен по четырем лексико-семантическим группам, выделенным по источникам звуков: 1) звуки живой природы (крики, голоса, звуки млекопитающих, птиц, насекомых); 2) звуки человека (звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа); 3) звуки неживой природы (звуки природных стихий – воды, воздуха, огня, земли, – издаваемые без антропогенного воздействия, в том числе звуки осадков, состояния атмосферы и др.); 4) смешанный тип (в качестве источника звука могут выступать как животные, человек, природа, так и различные работающие механизмы). Следует отметить, что подобное выделение носит достаточно условный характер, поскольку данные группы представляют собой диффузные структуры.

В параграфе 2.1. «**Звукоподражательные возможности согласного [r]**» представлены ономасты с дрожащим сонантом [r], обладающим чрезвычайно широкими звукоподражательными возможностями в изображении как длительных, так и кратковременных дрожащих шумов, благодаря колебательным движениям языка в момент артикуляции звука.

В ЛСП «**Животный мир**» рассматриваются подражания звукам диких и домашних животных, птиц и насекомых, а также названия некоторых представителей фауны. Ономасты, передающие рычание, рев животных,



восходят к корням \*ar/ir/or/ur/ki/r/kür/ya/r/bar/bor. Корни \*qar/qor/kür/bor/bür могут характеризовать звуки, издаваемые домашними животными. Значения 'грызть; громко жевать (о жвачных животных)' в монгольских языках реализуются с помощью корней \*mer/ker: п.-мо. *mere-* [Less. 536], мо. *мэр-*, бур. *мэрэ-*, калм. *мер-*, ойр. *мере-* 'грызть, раскусывать зубами что-л.'; баргуз. *хэрэ-* 'грызть'. По всей вероятности, звукоподражание 'грызть' стало основой для номинации некоторых представителей рода грызунов: п.-мо. *keremü* [Kow. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрмэн*, калм. *кермн*, ойр. *кермен* 'белка'; п.-мо. *kereljēgene* 'полевая мышь; землеройка' [Kow. 2508], мо. *хэрэлзгэнэ* 'полевая мышь; полевка'; бао. *харта* 'крот', п.-мо. *qarqa*, мо. *харх* 'крыса', бур. *харха* 'крот; крыса'; п.-мо. *sarkityan-a*, мо. *сархитгана* [оготно] 'полевка обыкновенная'.

Звуки, издаваемые птицами, передаются посредством корней: \*qar/qur/yur/šür/šir/čor/dor, которые дали ряд названий птиц: п.-мо. *qarkira* 'журавль пепельного цвета' [Kow. 850], мо. *хархираа* 'серая цапля'; ср.-мо. *keri'ē* [MA 220], *kere'e* [SH], пкл.-мо. *kerege:*, *keriy-e* [Tum. 445], п.-мо. *keriy-e* [Kow. 2513], мо. *хэрээ*, бур. *хирээ*, калм. *керэ*, ойр. *керээ*, орд. *kerē*, даг. *xerē*, ж.-уйг. *kərī*, мнгр. *kərē* [EDAL 691] 'ворона'; п.-мо. *qur* [Kow. 950], мо. *хур* [гургуул], бур. *хура*, калм. *хур* 'тетерев'; ср.-мо. *xurqa'ul* [HY 14], п.-мо. *kiryuul*, *yuryuul* [Kow. 2552, 1039], мо. *гургуул*, калм. *хурхул*, ойр. *хурхуул*, орд. *GurGül*, даг. *xorgöl*, бао. *golGor*, мнгр. *čirGū*, *GurGül* [EDAL 542] 'фазан'; п.-мо. *yuryaldai*, мо. *гургалдай*, бур. *гургалдай*, ойр. *хурхуулдаа* 'соловей'; п.-мо. *čorkiruu*, мо. *чорхируу(н)* 'рябчик'; п.-мо. *šürkei*, мо. *шүрхий*, бур. *шүрхы* 'чирок (утка)'. В Алтайском словаре Пмонг. \**kerije* сопоставляются с Птюрк. \**KArge*, Птунг. \**kori* 'мифическая птица (медиатор)', Пяп. *kara-su* 'ворона', Пкор. \**kãr-* 'ворона, галка' [EDAL 691]; Пмонг. \**kur* – с Птунг. \**Kürekte* 'дятел' и Птюрк. \**Körtük* 'вальдшнеп; индюк; тетерев' [EDAL 707].

Корни \*čar/čer/čür/čor/šir/tar/dar служат для подражания стрекоту ряда насекомых (кузнечиков, цикад, саранчи и др.) и дали следующие их названия: п.-мо. *čarča* 'саранча' [Kow. 1681, 2115], мо. *царцаа(н)*, кяхт. *сарсаа*, ойр. *царцаа*, орд. *žarčā*, даг. *čārčān*, бао. *žAžAžA*, ж.-уйг. *čarčaGī*, мнгр. *čār žAž* [EDAL 1214] 'хлебная кобылка, род саранчи'; п.-мо. *čarčaqaí* [Kow. 2113], мо. *царцаахай*, калм. *царцаха*, ойр. *царцаахаа* 'саранча'; п.-мо. *širkirege*, мо. *жирхрээ* 'цикада', ойр. *жиргерээ* 'саранча'; п.-мо. *tarča* 'саранча' [Less. 715], бур. *таршаа*, баргуз. *таршааг* 'кузнечик, кобылка', бур. зап. *даржагануур* 'саранча'. Пмонг. \**čarča* имеет надежные алтайские параллели имитативного происхождения: Птюрк. \**sariñga* 'саранча', Пкор. \**čãñčárá* 'стрекоза' и Пяп. \**sunsu-musi* 'вид сверчка' [EDAL 1213–1214].

В ЛСП «Человек» рассмотрены два типа антропофонов: звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа. К

первым, представляющим собой обозначения звуковых физиологических процессов в полостях рта и носа, относятся фырканье (*turgi-*), храп (*qurkira-*), хрип (*kerĵigine-*), кашель (*ker ker ge-*), дыхание с присвистом (*sürkire-*), всасывание ртом жидкости (*soru-*), плач, вой (*orila-*), громкий крик (*ĉirila-*, *barkira-*), ворчание (*yar yar ki-*), рвота (*ord ki-*).

Звукоподражательная семантика глагола говорения, обозначающего однонаправленное действие, п.-мо. *yari-* [Less. 429], мо. *яру-*, бур. *яру-*, ойр. *йара-* ‘говорить, разговаривать, беседовать’ становится очевидной благодаря сопоставлению с калм. *яр-яр ги-* ‘переговариваться’, бур. *яр-яр дуугар-* ‘говорить неприятным голосом’ и др. Очевидно, первоначально корень \**yar* соотносился с резкими, неприятными звуками, издаваемыми людьми, затем стал обозначать речевую деятельность людей в целом.

Такой дифференциальный признак, как громкость речи, прослеживается в ряде лексем с исходным значением ‘кричать’: пкл.-мо. *ĵar* [Tum. 424], п.-мо. *ĵar* ‘приказ, объявление, обнародование’ [Kow. 2300], мо. *зар*, бур. *зар*, калм. *зар*, ойр. *зар* ‘объявление, извещение’; ср.-мо. *ĵaru-* [SH, НҮт], *ĵaru-* [МА 203], пкл.-мо. *ĵaru-* [Tum. 425], п.-мо. *ĵaru-* [Kow. 2303], мо. *зар-*, бур. *зара-*, калм. *зар-*, ойр. *зар-*, орд. *ĵaru-*, мог. *ĵарu-*, даг. *ĵара-*, *ĵарә-*, дунс. *ĵарu-*, бао. *ĵаре-*, ж.-уйг. *ĵар-*, мнгр. *ĵари-* [EDAL 1544] ‘использовать для услуг; продавать’; п.-мо. *süre-*, мо. *сүр-* ‘торговать, громко выкрикивая (о разносчиках)’; ср.-мо. *uri-* [НҮ 34], *uri-* [МА 366], пкл.-мо. *uri-* [Tum. 606], п.-мо. *uri-* [Kow. 440]; мо. *уру-*, бур. *уру-*, калм. *ур-*, орд. *uri-*, даг. *ори-*, бао. *уре-*, мнгр. *uri-* [EDAL 1062] ‘приглашать; громко читать, объявлять во всеуслышание’; п.-мо. *qariya-* [Kow. 842], мо. *хараа-*, бур. *хараа-*, калм. *хара-*, ойр. *хараа-*, орд. *харā-*, даг. *харā-*, *karā-*, *harā-*, дунс. *qара-*, бао. *хага-*, мнгр. *хагā-* [EDAL 781] ‘бранить’.

Способность согласного [r] передавать громкость речи обусловила тяготение эмоционально-оценочного компонента в глаголах в сторону отрицательной оценки: ‘ругать; ссориться; спорить; конкурировать’. Ряд рассмотренных глаголов демонстрирует эксплицитную связь с субъектами метафоры – животными как производителями звука (ср.-мо. *kerelde-* [LH], *kereldü-* [МА 216], п.-мо. *kerelde-* [Kow. 2508], мо. *хэрэлд-*, бур. *хэрэлдэ-*, калм. *керлд-* ‘ссориться’; п.-мо. *arsaldu-* ‘спорить’ [Kow. 160], мо. *арцалд-* ‘конфликтовать’; п.-мо. *örisüldü-*, мо. *өрсөлд-* ‘оспаривать’).

Ономатопы, характеризующие коммуникативную сторону речи, служат для образования глаголов обращения к собеседнику, называния, речевого воздействия. Сема говорения заложена в лексемах со значениями ‘завещать’, ‘клеветать, наговаривать’, ‘гадать, ворожить’ и др.: ср.-мо. *gerēs* [МА 216], п.-мо. *geriyes* [Kow. 2513], мо. *гэрээс*, бур. *гэрээд үгэ*, калм. *герэсн*, ойр. *гэрээсе* ‘завещание’; пкл.-мо. *gere:* [Tum. 405], п.-мо. *ger-e* [Kow. 2505], мо. *гэрээ(н)* ‘договор’; п.-мо. *gür*, мо. *гөр* ‘несправедливое

обвинение', п.-мо. *gürde*- [Kow. 2650], мо. *gәрд*-, бур. *gүрдэ*- 'оклеветать'; также п.-мо. *kürge*- 'говорить вздор, болтать бестолково' [Kow. 2653].

В ср.-мо. *xiru'e*- [SH], *hirē*- [MA 185], пкл.-мо. *irüge*- [Tum. 419], п.-мо. *irüge*- [Kow. 323], мо. *epөө*-, бур. *юрөө*-, калм. *йөрә*-, ойр. *йөрәә*-, орд. *orǫ*-, даг. *hirbe*-, мнгр. *šurō*- [EDAL 1144] 'желать блага, произносить благопожелание', несомненно, процессуальное значение 'говорить, произносить', заложенное в корне \**ir*, является первичным по отношению к 'желать'. Благопожелания, как правило, воспроизводимые перед большим количеством людей, произносятся громко, нараспев и с эмоциональным подъемом.

Согласный [m] в анлауте может характеризовать процесс устной речи, в частности, указывая на нечеткость артикуляции (п.-мо. *mar-mar ki*- 'мямлить'), а также на эмоции говорящих в речевом акте: п.-мо. *mar-mur ki*- 'повздорить'; п.-мо. *maryu*- [Less. 529], мо. *марга*-, калм. *марһ*-, ойр. *марһа*- 'состязаться; спорить'. Корень \**mer* прослеживается в лексемах: п.-мо. *merge*, мо. *мэргэ* 'гадание, предсказание, ворожба'; п.-мо. *mergeci* [Less. 536], мо. *мэргэч* 'гадатель, гадалка, ворожей; мудрец'; ср.-мо. *tergan* [HY 37, SH], пкл.-мо. *tergen* [Tum. 460], п.-мо. *tergen* 'мудрый, опытный, умный' [Kow. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мергн*, орд. *tergen*, даг. *tergen*, *teregen*, дунс. *teryen*, мнгр. *tergen*, *turgen* [EDAL 918] 'мудрый, прозорливый'. Та же сема реализуется в корне \**yer*: ср.-мо. *yerge kibe siba 'inlā* 'гадал на птицах (т.е. гадал по полету птиц)' [MA 391]. На исходный момент развития значения может пролить свет более «прозрачный» синоним: п.-мо. *irügeci*, мо. *epөөч* 'гадатель, предсказатель'. В корнях \**ir/mer* лексем *irügeci* 'прорицатель' и *tergen* 'мудрый; мудрец' в первую очередь заложена сема говорения, затем вещания, предсказания<sup>4</sup>.

Известно, что процесс называния окружающих предметов или призыва окружающих людей неизбежно связан с голосом: 'звать кого-л.' значит 'голосом просить откликнуться или приблизиться', 'называть что-л.' значит 'произносить название'. В связи с тем, что вокативная функция является одной из основных функций имени в любой культуре, на наш взгляд, допустимо, что ср.-мо. *nerē* [SH, HYt], *neren* [IM], *nerē* [MA 248], пкл.-мо. *ner-e*, *nerē* [Tum. 480], п.-мо. *ner-e* [Kow. 641], мо. *нэр*, бур. *нэрэ*, калм. *нерн*, ойр. *нер*, орд. *nerē*, мог. *nera*, *nira*, даг. *ner*, *nerē*, дунс. *niere*, бао. *nerē*, *nare*, ж.-уйг. *nerē*, мнгр. *nerē* [EDAL 973] 'имя, название, наименование' также представляет собой древний онома топ, характеризующий коммуникативную сторону речи. Ср. эвенк. *гэрбб*-, эвен. *гэрбэт*- 'назвать, прозвать; окликать' [ССТМЯ, 1975, с. 180]; Пяп. \**нэр*- 'возвещать, приказывать', Пкор. \*(*n*)*ir(h)*- 'имя; сказать' [EDAL 973].

<sup>4</sup> Ср. рус. *вещун/вещунья* от *вещать* 'прорицать, предсказывать' < 'говорить торжественно, непререкаемо, внушительно' < 'сказывать, говорить'.

Звуковая оболочка категории звукоподражаний, рассматриваемых в ЛСП «Неживая природа», диктуется акустическими свойствами звуков, издаваемых водой, дождем, ветром и огнем. Бурление, журчание, плеск, кипение реализуются посредством корня \*or, а также корней с инициальными согласными [s/š/ʃ/č], [q/k/γ], [d/t], [b/p], от которых также образован ряд гидрографических терминов, обозначающих характер течения: п.-мо. *kürkir-e* [Kow. 2653], мо. *хурхрээ* 'водопад'; п.-мо. *γoriqun, γoruqa* [Kow. 1038], мо. *горхи(н)*, бур. *горхо(н)*, калм. *һорьк*, ойр. *һорха* 'ручей'<sup>5</sup>; п.-мо. *qaraʃi, qaraʃa* [Kow. 836], мо. *харэ* 'полынья'; п.-мо. *qargi, qariy*, мо. *харги, хариг*, бур. *харья* 'перекат'; п.-мо. *dargil* 'поток' [Kow. 1682], мо. *даргуа* 'стремнина'; п.-мо. *borgiy-a* [Less. 121], мо. *боргио*, калм. *боржн* 'порог (на реке)' и др.

Для передачи звуков дождя в монгольских языках используются корни \**ʃir/sir/nur/bar*. Легкий шелест, шорох дождя слышен в ср.-мо. *qura* [HY 2, SH], *qura* [IM], *qura* [MA 310], *qora* [LH], пкл.-мо. *qur-a* [Tum. 536], п.-мо. *qura* [Kow. 951], мо. *хур*, бур. *хура*, калм. *хур*, ойр. *хур*, орд. *хура*, даг. *хуар*, дунс. *Gura*, бао. *Gura, Gora*, ж.-уйг. *хура*, мнгр. *xurā* [EDAL 747] 'атмосферные осадки, дождь'. Ср. як. *курулаа-* 'глухо шуметь (о дожде)'; нан. *хур-хур* 'шум (о падающем дожде)' [ССТМЯ, 1975, с. 437].

Звуки дующего ветра передаются с помощью корней \**kür/sür/ser/šur/ʃer/ʃir*; для озвучивания огня используются корни *čir/sir/kür/par*. Наконец, среди звуков неживой природы лишь один корень \**nur* связан с землей: п.-мо. *nura-* [Kow. 695], мо. *нур-*, бур. *нура-*, калм. *нур-*, дунс. *нура-* 'обваливаться, обрушиваться; оползть'; п.-мо. *nur-a* 'берег, подмытый водой, обрушившийся берег' [Kow. 695].

В категории звукоподражаний, формирующих смешанный тип, представлены лексемы, воспроизводящие звуки, издаваемые в определенных обстоятельствах объектами или непосредственно возникающие в результате воздействия человека на какие-нибудь предметы. Основным признаком, реализуемым с помощью согласного [r], является дрожание, чистый диссонанс. Корни \**kör/kir*, \**čar/čir/sir/šor/sar* в целом передают шарканье, шорох, скрип, треск, шелест, шипение. Корни *čar/čir/ʃir* передают звук чирканья, росчерка: ср.-мо. *ʃiru-* [MA 207], пкл.-мо. *ʃiru-* [Tum. 431], п.-мо. *ʃiru-* [Kow. 2359], мо. *зур-*, бур. *зура-*, калм. *зур-*, ойр. *зура-*, орд. *ʃuru-*, даг. *ʃurī-*, *ʃori-*, мнгр. *ʃiri-* [EDAL 1013] 'рисовать, чертить'.

<sup>5</sup> Прозрачна корреляция корней \**ʃir/čir/ʃur/čur*, передающих журчание; с корнем рус. *журч-*ать, созвучному \**ʃur*, метатеза согласных в котором дает \**ruʃ/ruč* > рус. *руч-*ей. Связано с болг. *руквам, рукна* 'вытекаю, бью струей', мор. *ручай* 'струиться' [Фасмер, 1971, с. 524].

Звук, издаваемый при рассекании, разрыве, разрезании, заложен в глаголах п.-мо. *ira-* [Kow. 318], мо. *яp-* ‘разрезать, резать ножом; раздвигать’; ср.-мо. *ür-* ‘сдирать’ [MA 104], п.-мо. *uru-, ürü-* ‘разламывать’ [Kow. 451], мо. *ур-*, бур. *ури-* ‘разорвать; царапать’; п.-мо. *üre-* [Kow. 586], мо. *үрэ-*, бур. *үрэ-*, калм. *ур-*, ойр. *үре-* ‘тереть; чесать’; ср.-мо. *jur-* [MA 211], п.-мо. *јору-*, мо. *зор-*, бур. *зоро-*, калм. *зор-*, ойр. *зор-* ‘строгать; царапать’; п.-мо. *kerçi-* [Kow. 2518], мо. *хэрчи-*, бур. *хэршэ-*, калм. *керч-*, ойр. *керчи-*, даг. *kereci-* [MD 182] ‘резать’; п.-мо. *kira-*, мо. *хяp-* ‘крошить, мелко резать’, бур. *хирма-* ‘чистить скребком; резать’; ср.-мо. *qirya-* [MA 298], п.-мо. *kirya-* [Kow. 2551], мо. *хярга-*, бур. *хирга-*, калм. *кирв-*, ойр. *кирве-*, *кирһе-* ‘стричь (ножницами)’. Наиболее тесная связь со звукоподражательным глаголом наблюдается в п.-мо. *kirütçay*, мо. *хярамцаг* ‘замороженные внутренности, завернутые в рубец, ливер (кушанье)’, бур. *хирмаса* ‘ливер’; п.-мо. *јүрт-е*, мо. *зүрэм*; п.-мо. *јүрмедег*, мо. *зүрэмдэг* ‘тонкие обрезки чего-н.’, бур. *зүрмэ* ‘фарш’.

Глаголы со значением ‘колыхаться’, соотносимым с легкими, плоскими предметами (флаги, паруса, элементы одежды и пр.), образуются с помощью корней \**dur/der/qor/sar/nar/ner*: бур. *һарбагар*, *нарбагар*, *нэрбэгэр*, баргуз. *һархигар* ‘обвислый; лохматый’. Признак ‘растрепанный, лохматый’, на наш взгляд, наблюдается п.-мо. *sarkinaγ* [Kow. 1338], мо. *сархинаг*, бур. *һархинсаг* ‘книжка (часть желудка жвачных животных)’. Значение ‘книжка’ манифестируется тур. диал. *сарқанақ*, тув. *саргыяк*, хак. *сархынжсах*. Як. *таңқычах*, эвенк. *саргина* рассматриваются как заимствования из монгольских языков. Относительно этимологии термина авторы ЭСТЯ допускают, что \**sarkin* – рефлексивная форма *sark-* ‘капать’, так как из книжки жидкая пища стекает в сычуг [ЭСТЯ, 2003, с. 220]. Более близкой нам кажется версия Дж. Клосона, который производит *sarknyuk* от *sark-* ‘висеть, свисать’ [Cl. 849].

В целом следует отметить, что ономотопеические слова данной группы имеют стертый характер денотата, что в определенной мере обусловлено слабой степенью дифференциации шумов одного класса, имеющих различные акустические характеристики. В сфере звукоподражания в монгольских языках представлены почти все возможные слоги с дрожащим сонантом [r] в позиции доминанты. При этом инициальные [b/p] формируют большое количество натурофонов; согласные [d/t], [n] характерны в основном для ономотопов смешанного типа, согласные [y], [m] встречаются преимущественно в анлауте антропофонов.

В параграфе 2.2. «Участие доминанты [m] в формировании звуковой сферы» освещаются как собственно звукоподражательные, так и звукосимволические корни с доминантой [m], формирующие звукосферу монгольских языков. Активное участие губ в артикуляции согласного [m] обусловило появление в монгольских языках ряда антропофонов, в том

числе кинем, обозначающих звуковые физиологические процессы, производимые человеческим ртом во время приема пищи: п.-мо. *šam šam* 'чавканье' [Kow. 1450]; п.-мо. *šimala-* 'хотеть большего' [Kow. 184]; п.-мо. *tamsiya-* [Kow. 1646], мо. *тамшаа-*, бур. *тамшаа-*, калм. *тамша-*, ойр. *тамшаа-* 'чавкать; производить губами и языком громкие, причмокивающие звуки'; ср.-мо. *šimī-* [SH], *šime-* [MA 333], п.-мо. *šime-* [Kow. 1505], мо. *шим-*, бур. *шэмэ-*, калм. *шим-*, ойр. *шиме-*, орд. *šime-*, мог. *šimī-*, даг. *šime-*, *šimī-*, ж.-уйг. *šəte-*, мнгр. *šəte-*, *šətu-*, *šimū-* [EDAL 1328] 'высасывать сок; смаковать какой-л. напиток'. Аналогии достаточно четко восстанавливаются в языках алтайской общности: Птунг. \**šime-* 'просачиваться, сосать', Птюрк. \**šimū-*, *šimū-* 'сосать', Пяп. *šim-* 'впитываться, просачиваться' [EDAL 1328].

Ср.-мо. *šimegan* [HY 48], *šimigan* [MA], п.-мо. *šimüge(n)* [Kow. 2170], мо. *чэмэг*, бур. *сэмгэ(н)*, калм. *чимгн*, орд. *šotogo*, даг. *šimug*, *šimehe*, *šiməg*, дунс. *šimege*, ж.-уйг. *šəngən*, мнгр. *šimuge* [EDAL 430] 'костный мозг'; п.-мо. *kemi* 'кровяной мозг в костях; отверстие в кости с кровяным мозгом' [Kow. 2483], мо. *хим*, *хэм* 'губчатое вещество костей', калм. *кем* 'губчатая кость', ойр. *кем* 'костный мозг' обусловлено движением губ при высасывании костномозговой массы из трубчатой кости.

К глаголам звукоподражательного происхождения можно отнести п.-мо. *gemere-* [Kow. 2483], бур. *гэмэр-* 'ворчать'; п.-мо. *tam tum ögüle-* 'говорить вздор' [Kow. 1643], мо. *там тум яри-* 'плохо говорить'.

Лексический материал с доминантой [m] свидетельствует о том, что этот согласный также служит для образования поля нулевой фонации как репрезентации молчания и тишины. По всей видимости, это связано с тем, что сомкнутые губы по-своему символизируют отсутствие каких-либо звуков. Данный звук широко представлен в лексемах, номинирующих тишину, безмолвие, молчание, различной огласовки: п.-мо. *em šim* [Kow. 218], мо. *эм жим* 'безмолвие, ничем не нарушаемая тишина'; п.-мо. *im šim*, *im šim* [Kow. 312], мо. *им жим* 'тихо, бесшумно'; п.-мо. *šimir*, мо. *жимэр* 'покой, умиротворение'; п.-мо. *dömüger*, мо. *демгэр* 'спокойный, уравновешенный'; п.-мо. *nam güm* [Kow. 594], мо. *нам гүм*, бур. *нам*, *нэм*, калм. *нам*, ойр. *нам* 'тихий, спокойный'; пкл.-мо. *поттиқан* [Tup. 486], п.-мо. *поттиқан* [Kow. 690], мо. *номгон*, бур. *номгон*, калм. *номһн*, калм. *номхон* 'спокойный, тихий' и пр.

Однако в значении некоторых слов все же проявляется сема 'звук, шум': ср.-мо. *šite'en* [HY], п.-мо. *imege šimege* 'шум, гул, крик', *šim-e* 'крик; звук; молва' [Kow. 310, 2167], мо. *имээ* 'шум, гул, крик; слухи'; мо. *чимээ*, бур. *шэмээ*, калм. *чимэн*, орд. *šitē*, мнгр. *šimē* [EDAL 1426] 'шум, звук'. Ср. эвенк. *чумри-* 'звучать, раздаваться (об эхо в воде)' [ССТМЯ, 1977, с. 414].

Функционирование в языке корней \**ĵim* 'тишина' и \**ċim* 'шум' подтверждает то, что сфера тишины как репрезентация отсутствия звуков связана как с отсутствием движения (покоем), так и с наличием слабо выраженных звуковых сигналов. Это, в свою очередь, свидетельствует о диффузном характере сферы тишины в пределах общей звуковой сферы и об отсутствии четких границ между звуком и его отсутствием в слуховом восприятии. Возможно, поэтому в эвенкийском языке 'тишина' репрезентируется с помощью корня \**ċer*: *чэрелб* 'тишина, спокойствие, покой', *чэрелэĵ* 'тихий, спокойный; тихо, бесшумно (о природе)' [ССТМЯ, 1977, с. 422]. Ср. рус. *звонящая тишина*.

К форме *ċimege* авторы EDAL приводят следующие алтайские параллели: Птунг. \**tim-* 'затишье (о погоде); притихнув, примолкнув; шевелить губами, ворчать; тишина (ночью в лесу)'; Птюрк. \**Tij(mi)* 'звук; говорить; ворчать'; Пяп. \**tâmár-* 'молчать'; Пкор. \**tamîr-* 'закрывать рот, молчать' [EDAL 1426–1427].

В данной главе мы также сочли возможным рассмотреть корни с согласным [m], передающие значение 'трястись, колебаться', поскольку вибрационная чувствительность, по мнению ряда психологов, является переходной формой от осязательных ощущений к слуховым. Физические свойства объекта 'трясущийся, колышущийся' реализуются в корнях \**bamb/nam/namb*: п.-мо. *bambalĵa-, namalĵa-*, мо. *бамбалз-, намалз-*, бур. *бамбалза-* 'колыхаться; пружинить'; п.-мо. *namîra-*, мо. *намир-*, бур. *намир-*, ойр. *намар-* 'развеваться, колыхаться, реять'. Сопоставление данных глаголов с рассмотренными выше п.-мо. *durba-, darbalĵa-, derbe-, qorulĵu-* 'развеваться по ветру' позволяет выявить разницу в использовании данных глаголов: если в производных от корней с доминантой [r] отчетливо «слышится» звук развевающегося на ветру полотна (ср. рус. *ветер рвал паруса*), то в глаголах с корневым [m] описываемый процесс, очевидно, происходит более плавно и почти бесшумно (рус. *флаги гордо реяли над площадью*).

Значения 'колеблющийся; топкий' эксплицитны в п.-мо. *natu* [Kow. 616], мо. *намаг*, бур. *намаг*, калм. *намаг*, ойр. *намаг* 'болото, трясина, топь'; п.-мо. *ĵатау, ĵатиу* 'болотистое растение' [Kow. 2292], мо. *замаг*, бур. *замаг*, калм. *замг*, ойр. *замаг*, орд. *ĵатаG*; мнгр. *ĵamburaG* [EDAL 1534] 'тина, водоросли'; ср.-мо. *laba* [IM], п.-мо. *патауа* [Less. 562], мо. *намаа*, бур. *намаа*, калм. *намч*, ойр. *намчи*, орд. *патā*, мог. *пōт*, даг. *lavā* [EDAL 871] 'листва'; п.-мо. *патуру-а*, мо. *намарга*, калм. *намрh*, ойр. *намарhа* 'роса' и др.

К собственному звукоподражаниям, на наш взгляд, восходит лексема ср.-мо. *suti* [IM], *sutin* [LH, MA 327], пкл.-мо. *sutin* [Туп. 555], п.-мо. *sutin* [Kow. 1403], мо. *сум*, бур. *хомон*, калм. *сумн*, ойр. *суман*, дунс. *суму*,

мог. *some* [MD 211] ‘пуля; патрон; гильза; стрела’. Корневая звукоподражательная морфема \**sim* наглядно отображает последовательность дифференциальных признаков звучания отпущенной стрелы и делает возможным ментальное разложение данного звучания в своеобразный артикуляционный спектр. Известно, что пущенная стрела свистит, т.е. начинается звучание с фонемы [s], далее переходя в гласный [u], раздающийся в момент рассекания воздуха оперением стрелы. И, наконец, согласный [m] моделирует распространение звуковой волны и символизирует стихание, а в дальнейшем полное исчезновение звука полета стрелы: мо. *сун хий-* ‘свистеть, выть (о стреле, пуле, ветре)’<sup>6</sup>.

Ономатопами являются п.-мо. *сѳт*, мо. *цѳт*, бур. *сүм*, ойр. *цѳт* сопровождает процесс пробивания (насквозь); п.-мо. *сүмбүү*, мо. *сүмбэ*, калм. *сүм* ‘шомпол’, а также пкл.-мо. *tömüge* [Tum. 589], п.-мо. *tömüge* ‘алебарда, бердыш’ [Kow. 1924], мо. *тѳмѳ* ‘уст. алебарда’, где [t] передает глухой звук удара. Тюрк. *сүмме-сүме* ‘шомпол; штык’, по предположению М. Рясянена, имеет монгольское происхождение. Л. С. Левитская вслед за Г. Яррингом и К. Юдахиным относит тюрк. *сүмбэ*, *сүмбѳ* к иранским заимствованиям [ЭСТЯ, 2003, с. 380–381].

Из зоофонов зафиксирован лишь один ономатоп \**sim*, который наблюдается в ср.-мо. *simül* ‘муха’ [MA 333], пкл.-мо. *simuyu:l* [Tum. 562], п.-мо. *simuyul* [Kow. 1503], мо. *шумуул* ‘комар, москит’, бур. *шумуул* ‘насекомое’. В качестве внешних параллелей А. В. Дыбо рассматривает тюрк. \**siŋek* ‘какое-то надоедливое насекомое; муха’, т.-ма. \**siŋke* ‘жук’, допуская звукоподражательное происхождение: *siŋ* ‘звукоподр. о жужжании’ [СИГТЯ, 2001, с. 185–186].

Таким образом, в монгольских языках представлены как «прозрачные» звукоподражания, которые ассоциируются с неким реальным звучанием, так и подражания, утратившие связи с изобразительной лексикой и допускающие лишь этимологическую реконструкцию. К последним относится ряд глаголов говорения с доминантой [r] и именных частей речи, в которых значение ‘тишина’ реализуется посредством доминанты [m]. Следует отметить, что лексемы с доминантой [m], передающей значения ‘тишина; молчание’, ‘колыхаться’, уже представляют собой звуко-символические образования, поэтому их отнесение к звуковой сфере достаточно условно и объясняется их пограничным характером.

Дифференциальными признаками звукоподражаний с доминантой [r] следует признать ‘громкий’, ‘резкий’, ‘грубый’, вызывающие неприятные ощущения. Ономатопам с согласным [m], напротив, присущи признаки ‘тихий’, ‘спокойный’, ‘нежный’, что обусловлено акустико-артикуляционными характеристиками звуков и представляет собой одну

<sup>6</sup> Фонетически и семантически близок англ. глагол *to zoom* ‘взмыть, поднять вверх’.



из языковых универсалий в сфере ономотопеической лексики.

В главе III «Интерпретация зрительного восприятия формы объектов» выявляются ключевые моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к характеристикам зрительного восприятия формы объекта. Известно, что при повторении звука возникает образный отклик, так как звук, благодаря ассоциации по смежности, связывается с ситуацией, когда он раздавался. Повторение звука, как правило, многократное, вне натуральной, характерной для него ситуации, благодаря механизму ассоциации, закрепляет ассоциативную связь между картиной, рисуемой в представлении индивида, и самим звуком.

В §3.1. «Образные лексемы с доминантой [r]» освещаются закономерности формирования фоносемантического поля согласного [r], содержащего информацию о форме объекта. Среди звукоподражаний с доминирующим согласным [r] нами выявлено 5 ономотопов, на основе которых развились 5 генеральных признаков (ГП), давших начало обширным семантическим корреляциям с незвуковыми номинативными единицами:

1) ономотоп \*ar,<sup>7</sup> передающий рычание диких зверей, со временем начал порождать в сознании референтов образ острых, оскаленных, торчащих зубов и послужил основой для признака 'торчащий, остроконечный';

2) ономотоп \*kir, сопровождающий процесс нарезания чего-л. на ровные части (ножом, топором, ножницами, пилой), дал ряд лексем с ведущим признаком 'ровный, прямой';

3) ономотоп \*bur, передающий бурление, журчание воды, постепенно стал служить для вербализации признака 'круглый; курчавый';

4) ономотоп \*sar, воспроизводящий звук шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, породил признак 'круглый, зияющий';

5) ономотоп \*ter, соотносимый со звуком отпущенной туго натянутой тетивы, пружины, стал предпосылкой для развития признака 'надутый, пузатый'.

Количество корней, формирующих пять генеральных признаков, представлено в следующем соотношении: ГП 1 'торчащий' – 67 %; ГП 2 'ровный' – 5 %; ГП 3 'курчавый' – 8 %; ГП 4 'зияющий' – 9 %; ГП 5 'пузатый' – 11 %. Среди выделенных нами генеральных признаков особо разнообразен по воплощению и продуктивен по семантическому развитию признак 'торчащий' (3.1.1), который мы рассмотрели в двух разных проявлениях: 'остроконечный' (3.1.1.1) и 'растопыренный' (3.1.1.2), внутри них в дальнейшем развились признаки, отображающие длину, размер и др.

---

<sup>7</sup> Из большого количества фонетических вариантов нами выбран корень, наиболее характерный для передачи указанного звучания.

ГП 'нечто остроконечное' наиболее ярко проявляется в прилагательных, характеризующих форму зубов: мо. *арзгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр*, ойр. *арзатар* 'оскаленный'; п.-мо. *orsuyur*, *dorsuyur* [Kow. 1894], мо. *орсгор*, *дорсгор* 'торчащий; кривой' и пр., а также в термине ср.-мо. *ara'a* [SH], *aratai* [HY 10], *aral* [IM 432], *ari'ā*, *nari'ā* [MA 105, 246], пкл.-мо. *aray-a*, *araya* [Tum. 302], п.-мо. *araya* [Less. 47], мо. *араа*, бур. *араан*, калм. *аран*, ойр. *араан*, орд. *arā*, даг. *arā*, бао. *arə*, ж.-уйг. *arā*, мнгр. *arā*, *rā* [EDAL 316] 'коренной зуб, клык', находящийся параллели в других алтайских языках: Птунг. \*(x)ar 'росток, клык; название цветка (лютик, пострел)', \*Птюрк. *Afig* 'клык' [EDAL 315–316].

В ЛСП «Животный мир» представлен названиями хищных и травоядных животных, птиц, рыб, номинация которых основана на форме их зубов (ср.-мо. *kirsa* [HY 10], п.-мо. *kirsa* [Kow. 2553], мо. *хярс*, калм. *күрс*, орд. *girsa* [EDAL 651] 'корсак; серая степная лисица'), рогов (п.-мо. *aryali* [Kow. 153], мо. *аргали*, бур. *аргали*, калм. *aphl*, ойр. *aphаль*, *apha*, орд. *argali* [EDAL 1503] 'самка архара; архар'; п.-мо. *dergel*, мо. *дэргэл* 'высокогорный тур'; ср.-мо. *gore'e*, *gore'esun* [SH], *görēsün* [IM], *görēsün* 'дикая коза' [MA 172], пкл.-мо. *görüge:sün* [Tum. 408], п.-мо. *görügesü(n)*<sup>8</sup> [Kow. 2644], мо. *гөрөөс*, орд. *gorčs*, мог. *gor[ā]sun*, даг. *gurēs*, *gurēse*, ж.-уйг. *görösən*, мнгр. *korosə* [EDAL 574] 'зверье; дикое животное (преимущественно травоядное); антилопа'), клюва (п.-мо. *jaray*, мо. *зараг* 'кулик, бекас'; п.-мо. *qaralǰı*, мо. *хараалж* 'бекас; дупель'), крыльев и хвоста (ср.-мо. *xarijača* [HY 14], п.-мо. *qariyačai* [Kow. 843], мо. *хараацай*, бур. *хараасгай*, калм. *харада*, ойр. *хараадаа*, орд. *xarāčā*, дунс. *qaranča*, мнгр. *xara(n)ciGə*; *xarabǰaGē*, *xarančiGē* [EDAL 652] 'ласточка', ср. бур. *һэрбээ* 'стрелы ласточкиного хвоста'), морды (п.-мо. *čordu* [Kow. 2221], мо. *цорд*, *шорд* 'небольшая щука'; ср.-мо. *čuraqa* [SH], п.-мо. *čuručai* [Kow. 2220], мо. *цурхай*, бур. *сурхай*, калм. *цурх* 'щука'). Кроме того, некоторые названия даны по наличию колочек (ср.-мо. *jarı'ā* [MA 201], п.-мо. *jaraya* [Kow. 2301], мо. *зараа*, бур. *заряа*, калм. *зара*, ойр. *зараа* 'еж'; п.-мо. *šörge*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, калм. *шөрг* 'ерш'; п.-мо. *törgü* [Kow. 2070], мо. *мөрөг*, бур. *мургэ* 'карп, сазан').

В ЛСП «Растительный мир» рассматриваются названия растений и деревьев, обладающих шипами, колочками, иголками (п.-мо. *sarnai*, мо. *сарнай* 'роза (шиповник)'<sup>9</sup>; ср.-мо. *arči* [MA 104], пкл.-мо. *arǰa* [Tum. 304], п.-мо. *arča* [Kow. 161], мо. *арц*, бур. *арса*, ойр. *арца* 'можжевельник', калм.

<sup>8</sup> Привлекает внимание фонетическая близость корня \*gör англ. *horn*, нем. *horn*, фр. *corne*, итал. *cornio*, исп. *cuerno*, рус. *рог*; др.-англ. *raga* 'косуля'.

<sup>9</sup> Ср. участие согласных [r] и [z] в рус. *роза*, лат. *rosa*, англ. *rose*, нем. *rose*, фр. *rosier*, венг. *rózsa* и др.

арц 'можжевательник, кипарис'; п.-мо. *qaraqana* [Kow. 831], мо. *харгана*, бур. *харгана*, *харганаан*, ойр. *харhana*; п.-мо. *qarmaу*, мо. *хармаг* 'селитрянка Шобера'; п.-мо. *qarγai* [Kow. 844], мо. *харгай*, калм. *харha*, ойр. *харhaa* 'лиственница сибирская'; бур. *зэргэнэ* 'хвойник'. Для именованя шипов в монгольских языках используются корни \**örg/sörl/šör*: ср.-мо. *örgesün* [IM], *örgesün* [MA 278], пкл.-мо. *örgesün* [Tum. 511], п.-мо. *örgüsü*, мо. *өргөс*, калм. *өргөс*, *үргесн*, ойр. *үргесен* 'заноза; шип, колочка; зубок (у маленьких детей)'; калм. *сөр* 'большой гвоздь; заноза; кости рыбы', *шөрэ* 'шпоры; шипы'.

В ЛСП «Человек» рассмотрению подвергаются соматические термины с доминантой [r], в основном относящиеся к плечевому поясу: ср.-мо. *čarbalı* [LH], п.-мо. *čarbaу* [Kow. 2113], мо. *царвуун*, бур. *сарбаа*, *сарбуу*, калм. *царв*, орд. *ts'arwū* [Дыбо, 1996, с. 226] 'запястье, лучевая кость'; п.-мо. *sarbaу*, мо. *сарвуу* 'часть руки от кисти до локтя' восходят к образу 'нечто торчащее; расширяющееся, разветвляющееся (на пальцы)' [♣]. Термин ср.-мо. *quru'un* [HY 46, SH], *qurūn* [LH], *quryan* [IM], *quru'ū*, *qarūn*, *qurūn* [MA 124, 145, 312], пкл.-мо. *quruуи:n* [Tum. 538], п.-мо. *quruуи(n)* [Kow. 964], мо. *хуруу*, бур. *хурган*, калм. *хурһн*, ойр. *хурһан*, *хуруу*, орд. *xurū*, мог. *qurūn*, *qorun*, даг. *хорō*, дунс. *Gurun*, бао. *xur*, ж.-уйг. *xurūn*, мнгр. *xuri* [EDAL 856] 'палец' восходит к образу 'нечто длинное, тонкое; торчащее' [♣]. В Алтайском словаре приводятся ценные параллели: Птюрк. \**K[a]ŋguk* 'палка, колышек', Пкор. \**karak* 'палец; палка' [EDAL 856]. Признаки 'торчащий, оттопыренный' применимы также к термину ср.-мо. *xeregai* [SH], *erke*, *herekeyin* (род. п.) [LH], п.-мо. *erekei* [Kow. 250], мо. *эрхий*, бур. *эрхы*, калм. *эркэ*, ойр. *эркээ*, орд. *ereχī*, даг. *xereg*, *xergī*, *herehe*, ж.-уйг. *hermegēi* [EDAL 1138] 'большой палец' [♣]. Пмонг. \**herekei* сопоставляется с Птунг. \**peru-* 'большой палец', Птюрк. \**eryek* 'палец, большой палец' [EDAL 1138].

С учетом того, что во многих языках мира количественные числительные первого десятка непосредственным образом связаны с обозначениями пальцев, их длиной и формой, можно предположить, что происхождение числительного ср.-мо. *xurban* [HY 42], *qurban* [SH], *qorbān* [IM], *yurban* [LH], *yurban*, *qurban* [MA 179, 310], пкл.-мо. *yurban* [Tum. 401], п.-мо. *yurba* [Kow. 1039], мо. *гурав*, *гурван*, бур. *гурбан*, калм. *хурвн*, ойр. *хурван*, орд. *Gurwa*, мог. *yurbōn*, даг. *guarba(n)*, *guarəb*, дунс. *Guron*, *Guran*, бао. *Goraу*, *Gob-araу*, ж.-уйг. *Gurwan*, мнгр. *Gurān* [EDAL 1032–1033] 'три' связано с теми же признаками, что и в соматическом термине п.-мо. *quruуи(n)* 'палец' – 'длинный, тонкий', которые также проявляются в п.-мо. *yurayar*, мо. *гургар* 'длинный и тонкий', бур. *гурагар* 'стройный'; п.-мо. *yurγayar* 'высокого роста, долговязый и тощий' [Kow. 1042]. Вероятно, корень \**yurb* номинирует именно средний палец, идущий третьим по счету, по причине того, что он и является самым длинным из пяти.

Корневая доминанта [r] также представлена в числительном ср.-мо. *dörben* [LH, MA 143], пкл.-мо. *dörben* [Tum. 371], п.-мо. *dörben* [Kow. 1947], мо. *dөрөв*, бур. *дүрбэ(н)*, калм. *дөрвн*, ойр. *дөрвен*, орд. *дорво*, мог. *дирбөн*, даг. *dirbe(n)*, дунс. *dzieruan*, бао. *deray*, ж.-уйг. *дорвэн*, мнгр. *deran* [Болд, 2004, с. 99] ‘четыре’. Значения образного корня \**dörb* сопоставимы с п.-мо. *yorbuyi-*, мо. *ёрвой-* ‘оттопыриваться, растопыриваться’, бур. *ёрбой-* ‘выдаваться острым углом’. Мотивирующий признак ‘торчащий’, на наш взгляд, не мог характеризовать безымянный палец, идущий четвертым по счету, ввиду его «непримечательности» (даже в русском языке он не имеет специального названия). По всей вероятности, признак ‘торчащий, растопыренный’ соотносился с количеством конечностей человека: двумя верхними и двумя нижними.

Релевантность признака ‘торчащий’ соматическим терминам, обозначающим конечности человека, позволяет применить его и к некоторым названиям животных. В ср.-мо. *qurıqa(n)* [SH], *qurıxan* [HY 11], *qurıyan* [LH], *qurayan* [MA 111], п.-мо. *quray-a*, мо. *хурга(н)*, бур. *хурган*, калм. *хурһн*, ойр. *хурһан*, орд. *хурGa*, мог. *q□ryan*, дунс. *quyan*, *Guyan*, бао. *GorGan*, ж.-уйг. *хурGan*, мнгр. *xorGa*, *xuroG* [EDAL 809], бур. *хурбэ* ‘ягненок’; п.-мо. *sarbay-a*, мо. *сарваа* ‘двухлетний жеребенок’, калм. *сарва*, ойр. *сарваа* ‘годовалый жеребенок’ можно попытаться выделить признак ‘с тонкими длинными ножками’.

Следует отметить, что чрезмерное проявление признаков ‘длинный, тонкий’ закономерно влечет за собой развитие признака ‘искривленный, кривой’: ср.-мо. *muru(i)* [IM], *mura*, *murū(n)* [MA 241], пкл.-мо. *mürigü:* [Tum. 475], п.-мо. *muriyar*, мо. *муригар*, бур. *муригар* ‘кривой, косо́й’; п.-мо. *nörigüy*, мо. *нөрүү* ‘кривой, согнутый’.

Ряд образных корней дал в монгольских языках глаголы, значение которых относится к мануальной (ручной) сфере деятельности. Они, как правило, отсылают к образу растопыренных, вытянутых на всю длину рук человека, в ряде случаев ног животных: п.-мо. *čarba-* [Kow. 2113], мо. *царва-* ‘поднимать кверху руки или ноги; отмахиваться; хватать’; бур. *һарбай-* ‘протягивать руку (или что-л. в руках)’; п.-мо. *čerbe-*, мо. *цэrvэ-* ‘отдергивать (руку)’; п.-мо. *čerte-*, мо. *цэrmэ-* ‘разгребать снег копытами’; п.-мо. *čoruyi-* [Kow. 2220], мо. *цорой-*, бур. *сорой-* ‘становиться на дыбы (о лошади); становиться на цыпочки’. Ср.-мо. *qarbu-* [HY 39, SH], *qarbu-* [MA 293], пкл.-мо. *qarbu-* [Tum. 522], п.-мо. *qarbu-* [Kow. 846], мо. *харва-*, бур. *харба-*, калм. *харв-*, ойр. *харва-*, даг. *харба-*, *харта-*, *harebe-*, бао. *хурэ-*, ж.-уйг. *харwu-*, мнгр. *хартu-* [EDAL 649–650] ‘стрелять из лука’ также, очевидно, связано с образом вытянутой левой и согнутой в локте правой рук.

Дрожащий переднеязычный сонант [r] также служит для обозначения в монгольских языках понятия ‘мужчина’: ср.-мо. *ere* [HY 29, SH, LH], *ärä* [IM], *ere* [MA 161], пкл.-мо. *ere*, *er-e* [Tum. 390], п.-мо. *er-e* [Kow. 246], мо.

эр, бур. эрэ, калм. эр, ойр. эре, орд. *erra*, даг. *er*, *ergun*, *ere*, дунс. *ere*, бао. *ere*, ж.-уйг. *ere*, мнгр. *rē* [EDAL 312] ‘мужчина, муж; самец’; п.-мо. *eregčün* [Kow. 252], мо. *эрэгчин* ‘самец’. Тюркской параллелью, как известно, является \**jer* ~ *er*, которое «первоначально означало ‘человек мужского пола’, впоследствии приобрело значение ‘супруг’» [СИГТЯ, 2001, с. 303]. В качестве т.-ма. параллели Э. В. Севортян приводит звенк. *ур* ‘самец, особь мужского пола; мужчина’ [ЭСТЯ, 1974, с. 322].

Выявленный нами и рассматриваемый в данном параграфе признак ‘торчащий, прямой’ на древнем этапе становления языка, по всей видимости, соотносился с мужским половым органом. Ср. п.-мо. *erteger* [Kow. 258], мо. *эртгэр*, калм. *эртхр*, ойр. *эртегер*, *эртегер* ‘оттопыренный, вздернутый’. Баргуз. форма *нүртэбэй*, *һүртэбэй* ‘penis’, образованная от корня \**pürt/sürt* с помощью форманта *-bei*, сопоставима с тув. *бэртэк* ‘половой член мальчика’. Вероятно, значение ‘penis’ является в тюркских и монгольских языках «первозначением», легшим в основу слова эр ‘мужчина’. В данном случае мы имеем дело с метонимическим переносом, когда вторичное значение опирается на ассоциативные связи, возникающие при наименовании части и целого.

В ЛСП «Неживая природа» анализируются термины для обозначения верхушки, пика горы: ср.-мо. *xorai* [SH], *hurai* [MA], пкл.-мо. *orai*, *oroi* [Tum. 497, 499], п.-мо. *orui* [Kow. 446], мо. *орой*, калм. *ора*, ойр. *ораа*, орд. *орѳ*, мог. *orei*, даг. *орѳ*, бао. *xoro* [EDAL 1173]; ср.-мо. *xorgil* [SH], пкл.-мо. *orgil* [Tum. 499], п.-мо. *orgil* [Kow. 464], мо. *оргил*, бур. *орьѳл*, а также орографические термины п.-мо. *sariday*, *sarday* [Less. 675], мо. *сарьдаг*, бур. *һарьдаг* ‘голец’; ср.-мо. *aral* [SH], *aral* [MA 104], п.-мо. *aral* [Less. 44], мо. *арал*, бур. *арал*, ойр. *арал*, калм. *арл*, орд. *aral*, даг. *alla*, *aral*, дунс. *aran*, бао. *alər*, *arən*, ж.-уйг. *aral*, мнгр. *rāl*, *ral*, *arā(r)* [EDAL 314] ‘остров’.

В ЛСП «Материальная культура» представлены названия предметов, вещей, имеющих остроконечную, вытянутую форму. Прежде всего, корни с дрожащим сонантом [r] служат как для родового понятия ‘оружие’<sup>10</sup>, так и для обозначения видов холодного и метательного оружия: ср.-мо. *ѳer* [SH, НУѳ], п.-мо. *ѳer* [Kow. 2324], мо. *зэр*, бур. *зэр*, калм. *зер*, ойр. *зер*, орд. *ѳir* [EDAL 1534] ‘оружие, вооружение’; п.-мо. *šoru*, мо. *шор* ‘шпага’, калм. *шор*, ойр. *шор* ‘штык’; п.-мо. *širūq-a*, мо. *зорх* ‘метательный снаряд с острым наконечником’. Ср. также п.-мо. *sirūq* [Kow. 1527], мо. *шуряг*, калм. *шурѳ* ‘рожон’; п.-мо. *sarayčün* [Kow. 1335], мо. *сарягчин* ‘столбик посреди обона’; п.-мо. *šerge* [Kow. 2128], мо. *сэргэ*, бур. *сэргэ* ‘коновязь’; пкл.-мо. *serege:*, *serige:* [Tum. 550], п.-мо. *serege*, *serige*, *seriy-e* [Kow. 1369], мо. *сэрээ*, бур. *һэрээ*, калм. *сера*, ойр. *серэа*, орд. *serē*, даг. *serē* [EDAL 1225] ‘вилка; острога, гарпун, копьё с зубцами’; п.-мо. *surγay*, *šurγay* [Kow. 1542],

<sup>10</sup> Ср. фонетическую близость между рус. *оружие*, *ружьѳ* и *рожон*.

*surγayay* [Less. 739], мо. *сургаг, шургаг, шургааг*, бур. *хургааг, хургы* ‘жердь’; пкл.-мо. *sorbi* [Tum. 551], п.-мо. *sorbi*, мо. *сорви*, бур. *хорьбо* ‘трость, посох у шамана’ и др.

3.1.1.2. Признак **‘нечто растопыренное, лохматое’** реализуется в ср.-мо. *arasun* [HY 15, SH, LH], *arasu* [IM], *arasun* [MA 104], пкл.-мо. *arasun* [Tum. 303], п.-мо. *arisi*, *arasu* ‘кожа, шкура’ [Kow. 143], мо. *арьс*, бур. *архан*, калм. *арси*, ойр. *арсан*, орд. *arusu*, мог. *arōsun*, *ōrōsun*, даг. *arsa*, *aras*, дунс. *arasun*, бао. *arsoŋ*, ж.-уйг. *arsən*, мнгр. *arasə* [EDAL 520] ‘кожа; шкура; мех’; п.-мо. *örbelge*, *örbülge* [Kow. 587], мо. *өрвөлгө*, бур. *үрбэлгэ*, калм. *өрвлh*, ойр. *өрвелге*, орд. *örvölgö* [EDAL 1173] ‘вихор; перья на головном уборе’; п.-мо. *tar* ‘ость на меху’, *taraqai* ‘пуховое перышко’ [Kow. 1663], мо. *тар* ‘ость меха; редкошерстный’; п.-мо. *sor* [Kow. 1411], мо. *сор* ‘ость (меха); длинные отдельно торчащие из общей массы стебли травы’, бур. *хорьмой* ‘ость (у меха)’; ср.-мо. *sormue* [HY 45], *sormosu* [IM], *sorbisun* [MA 325], *sarmasün* [Lig.VMI], п.-мо. *sormuusun*, *sormisu(n)* [Kow. 1418], мо. *сормос*, *сормуус*, бур. *хорьмохо(н)*, калм. *сурмсг*, ойр. *сормасан*, орд. *sormūs*, *sormūsu*, дунс. *somosun* [EDAL 1218] ‘ресницы; ость’.

В данном параграфе представлены названия растений, восходящие к образу ‘нечто растопыренное, развесистое, лохматое’: ср.-мо. *arbai* [HY 8], *arbai*, *ārbāi* [MA 104, 253], п.-мо. *arbai* [Kow. 155], мо. *арвай*, калм. *арва*, ойр. *арваа*, орд. *arwā*, мог. *arfei*, *arfā*, дунс. *ара*, мнгр. *šbā* [EDAL 312] ‘овес; ячмень’; п.-мо. *čarbang*, мо. *царван*, хорин. *сарбан* ‘полюнь’; п.-мо. *sarbayalji*, мо. *сарваалж* ‘ширица трехцветная’, п.-мо. *sarbalji* [Kow. 1336], мо. *сарвалж* ‘дикое просо’.

В §3.1.2-3.1.5. рассмотрены ГП **‘нечто ровное’** (п.-мо. *kerbigir*, мо. *хирвэгэр*, бур. *хирбэгэр* ‘ровный (например, об усах)’; п.-мо. *kerdeg*, мо. *хэрдэг* ‘карниз’, калм. *керсэг* ‘ступенька’), ГП **‘нечто округлое; курчавое’** (п.-мо. *burjiyar* [Less. 140], мо. *буржгар*, бур. *буржсагар*, калм. *буржшр* ‘курчавый, волнистый, завитой’; ср.-мо. *burγasu* [MA 113], п.-мо. *burγasu* [Kow. 1221], мо. *бургас*, *бургаас*, калм. *бурһси* ‘ива, верба’, бур. *бургаахан*, орд. *burγasu*, даг. *bargās*, *baregase*, мнгр. *burGāsə* [EDAL 1096] ‘прут; ива’; п.-мо. *qoriga* [Kow. 963], мо. *хороо*, бур. *хорёо*, калм. *хора*, ойр. *хораа*, орд. *хороо* ‘ограда, изгородь и др.’; ср.-мо. *gurijen* [HY 4], *gure'en* [SH], п.-мо. *kūriye(n)* [Kow. 2638], мо. *хүрээ*, бур. *хүрээ*, орд. *kurē*, даг. *хорē*, дунс. *Goron*, ж.-уйг. *kurēleg*, мнгр. *kuraj* [EDAL 746] – id.; п.-мо. *kerem* ‘стена; вал, насыпь’ [Kow. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрэм*, калм. *керм*, ойр. *керем* ‘крепость; крепостная стена; кремль’); ГП **‘нечто круглое, зияющее’** (п.-мо. *sarsayar*, *sartayar* [Kow. 1337], *sarqayar*, мо. *сарсгар*, *сартгар*, *сархгар* ‘с широкими ноздрями; зияющий’; п.-мо. *serjigir*, мо. *сэржгэр* ‘легкий, неплотный; рыхлый, пористый, редкий’; п.-мо. *sarkiyay*, мо. *сархиаг* ‘рыжик’; п.-мо. *kerkineg*, мо. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг*, *хэрхинсэг* ‘сетка (один из

отделов желудка жвачных животных'); ГП 'нечто надутое, пузатое' (бур. *тэртэгэр*, калм. *тертхр* 'туго натянутый; упругий'; ср.-мо. *тарун* [MA 341, LH], п.-мо. *тарун* [Less. 780], мо. *тарган*, бур. *тарган*, калм. *тарһн*, ойр. *тарһан*, дунс. *таһун*, бао. *тарһоң* 'жирный, упитанный'; п.-мо. *тогq-a*, мо. *тоpx*, бур. *тоpxо* 'кадка, бочка'; пкл.-мо. *тарбайан* [Tum. 573], п.-мо. *тарбай-a* [Less. 780], мо. *тарвага*, бур. *тарбага(н)*, ойр. *тарваһан*, орд. *tarwaGa*, даг. *tarbag, tarbag, tarbug*; ж.-уйг. *tarbuан*, мнгр. *törGa, tarbuGa* [EDAL 1405] 'тарбаган', калм. *тарелһн* 'сурок').

В связи с тем, что данные признаки восходят к разным ономотопам, соответственно различается и набор аглаутных согласных. Так, ГП 'ровный' в основном передается средствами корней с инициальным [k]. Лексемы с ГП 'круглый, курчавый' начинаются с согласных [b/p], [k/g], реже [n]. ГП 'круглый, зияющий' представлен корнями с согласными [s], [k], [m], [p] в начальной позиции. Наконец, ГП 'пузатый' располагает наибольшим количеством корней, начинающихся с согласных [d/t], [b/p], [j/č/s/s]. Что касается ауслота, то здесь позиции согласных не отличаются от таковых в сфере ГП 'остроконечный'.

В целом, фоносемантическое поле согласного [r], содержащее информацию о форме объекта, можно представить в виде следующей схемы.



Схема 1

§3.2. «Образные лексемы с доминантой [m]» состоит из двух подпараграфов. В 3.2.1. ГП 'нечто круглое' внимание уделяется образным лексемам с корневой доминантой [m], которые обязаны своим происхождением неозначенному признаку – мимическому изображению открытого рта и объединены единым дифференциальным признаком: 'нечто округлой формы'. Неслучайно большое количество образных корней с согласным [m] в монгольских языках характеризует именно форму губ и рта: п.-мо. *ömtüger*, мо. *эмгэр*, бур. *үмэгэр*, калм. *эмгр* 'суженный, сжатый'; п.-мо.

*jiteger*, мо. *жимгэр*, бур. *жимэгэр*, калм. *жимһр*, ойр. *жимгер* ‘поджатый’; п.-мо. *etceger* [Kow. 218], мо. *эмцэр* ‘имеющий заячью губу’ и др.

Базовый соматический термин ср.-мо. *aman* [HY 45, SH], *aman* [IM 432], *aman* [MA 99], пкл.-мо. *aman* [Tum. 296], п.-мо. *ата(н)* ‘рот, уста; нос птичий; рыло’ [Kow. 95], мо. *ам(ан)*, бур. *ама(н)*, калм. *амн*, ойр. *аман*, орд. *ата*, мог. *атап*, *атип*, даг. *ата*, дунс. *атап*, бао. *атап*, ж.-уйг. *атан*, мнгр. *ата* [EDAL 296] ‘рот, уста; пасть, зев’ воплощает зрительнообразное представление закрывающегося рта: [a] передает образ открытого рта в момент произнесения данного гласного, [m] – образ смыкания губ при артикуляции данного согласного.

В первую очередь со значением ‘рот’ соотносим другой анатомический термин ср.-мо. *utai* [LH], пкл.-мо. *utai* [Tum. 601–602], п.-мо. *utai* [Kow. 410], мо. *умай*, бур. *умай*, калм. *ома*, орд. *umã* [EDAL 1498] ‘утроба, чрево; матка’. К надежным алтайским параллелям относятся Птунг. \**utui* ‘дыра’, Птюрк. \*(i)*am* ‘vulva’, Пкор. \**utük* ‘образовывать впадину, быть вогнутым’ [EDAL 599]. Пмонг. форму \**(h)utaj* авторы EDAL вслед за А. М. Щербаком считают заимствованной из тюркских языков: от Птюрк. \**utaj* ‘плацента, послед; богиня рождения’ [EDAL 1498].

Первозначением лексемы, очевидно, выступает ‘vulva’, в дальнейшем трансформировавшаяся по смежности в ‘утроба; матка’. Образная семантика подтверждается функционированием адекативной формы: п.-мо. *утауар*, мо. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький (об отверстии)’, а также синонимичного термина мо. *умсаг* ‘влагалище’. Если *ам* ‘рот’ отсылает к образу рта, произносящего гласный [a], то *умай* с узким огубленным гласным переднего ряда [u] номинирует более узкое отверстие, что свидетельствует об изобразительной валентности гласных.

Гипервариативность гласных в сфере изобразительной лексики позволяет сопоставить ср.-мо. *ete* [HY 29], *ete* [IM], *ete* [MA 153], пкл.-мо. *ет-е* [Tum. 386], п.-мо. *ет-е* [Kow. 213], мо. *эм*, бур. *эмэ*, калм. *эм*, ойр. *эме*, орд. *ете*, мог. *етта*, даг. *ете*, дунс. *ете*, бао. *ете*, ж.-уйг. *ете*, мнгр. *ити* [EDAL 504] ‘жена, женщина; самка’ с производными корня \**ut*. В языках алтайской общности также восстанавливаются Птюрк. *ете* ‘самка; старуха’, Птунг. *етV* ‘теща, свекровь; самка; самка оленя, лося’, Пяп. *тiа*, Пкор. *ámh* ‘женщина; самка’ [EDAL 504]. Образ ‘нечто круглое’ мог эволюционировать в арханчной лексеме *ете* по следующей цепочке ‘нечто круглое’ > ‘vulva’ > ‘женщина’. Ср. бур. зап. *хэмнэг* ‘утроба; матка’.

Признаки ‘круглый, шарообразный, комкообразный, куполообразный’ актуализируются в корнях \**bomb/bömb/pömb/qomb/qumbl/dumb*: п.-мо. *bömbüge* [Kow. 1239], мо. *бөмбөг*, бур. *бүмбэгэ*, ойр. *бөмбеге* ‘мяч; шар’, калм. *бөмбг* ‘ядро’ и др. Корни с сонантом [m] активно участвуют в образовании названий растений, имеющих клубни: п.-мо. *tömüsü(n)*, *tömsü* ‘полевые плоды’ [Kow. 1924], мо. *төмс*, ойр. *төмсен* ‘картофель; луковица



лилии сараны; *анат.* яйцо', бур. *түмнэ(н)* 'луковица растений; клубень'; п.-мо. *ötbiü, ütbe*, мо. *өмбө, үмбэ* 'имбу; айва'; п.-мо. *tümetji*, мо. *түмэлжэ [чавга]* 'спаржа клубеньковая'.

Признаки 'мелкое, круглое' также реализуются в следующих лексемах: ср.-мо. *jitis̄* [IM], *jitis̄* [MA 206], пкл.-мо. *jitis* [Tum. 430], п.-мо. *jitis* [Kow. 2350], мо. *жимс*, бур. *жэмэс*, калм. *темсн*, ойр. *темсен* 'плоды, фрукты, ягоды'; п.-мо. *jitisgen-e*, мо. *жимсгэнэ* 'ягода, ягоды'; ср.-мо. *čitek* [MA 133], пкл.-мо. *čiteg* [Tum. 353], п.-мо. *čiteg* [Kow. 2168], мо. *чимэг*, бур. *шэмэг*, калм. *чимг* 'украшение < бусины'; п.-мо. *čöt-e, čötii, čötüge* [Kow. 2226], мо. *цөм* 'косточка; ядро, зерно', калм. *цөм* 'кизил', *цөмсн* 'черемуха' (о плодах) и др.

К образу 'нечто круглое', несомненно, следует отнести ср.-мо. *tatya* [IM], *tatya* [MA 339], пкл.-мо. *tatya-a* [Tum. 571], п.-мо. *tataya* [Kow. 1643], мо. *тамга*, бур. *тамга*, калм. *тамh*, ойр. *тамh* 'печать; клеймо, тавро'; пкл.-мо. *temdeg* [Tum. 579], п.-мо. *temdeg* [Kow. 1730], мо. *тэмдэг*, бур. *тэмдэг*, калм. *темдэг*, ойр. *темдег* 'признак; метка'; п.-мо. *it*, мо. *им*, бур. *эмь* 'знак, клеймо'. Известно, что тамги имели форму простейших геометрических фигур как наиболее удобные для вырезания или выжигания. Относительно этимологии тюрк. *tatya* известна версия Л. С. Левитской, предполагающей возможную относительно позднюю семантическую связь *tatya* с *tay* 'клеймо' ← перс. *tam-* 'загораться' [СИГТЯ, 2001, с. 330].

В т.-ма. языках привлекают внимание формы: эвенк. *сāмэлкб*, эвен. *hāmун* 'метка; знак; клеймо (на ухе животного)', орок. *самалки* 'с приметой, отметиной' [ССТМЯ, 1977, с. 61]. Данный семантический ряд могут продолжить названия отметин на теле человека: родинок, пятен, болячек. Название болезни п.-мо. *qatayи* [Kow. 803], мо. *хамуу*, бур. *хамуу*, калм. *хаму*, ойр. *хамуу* 'лишай, парша, чесотка', п.-мо. *patasi* 'лишай на лице', *patursun* 'лишай' [Kow. 616], мо. *намс яр* 'прыщи на лице', по всей видимости, связаны с тем, что бляшки лишая, как правило, имеют округлую или овальную форму. Корень \**qat* прослеживается в тюрк. *қамчав, қамчағу* 'сыпь, вызывающая зуд (на глазах, губах); мокрая болезненная болячка, язва; лишай; чесотка'.

Модификациями данного признака можно считать признаки: 'нечто продолговатое' (мо. *домбо(н)*, бур. *домбо*, калм. *домб*, ойр. *домбо* 'кувшин, высокий чайник'), 'нечто выпуклое' (ср.-мо. *otori'ut* [SH], п.-мо. *otiruiи* [Kow. 413], *otiruiи(н)*, *otiruiи* [Less. 611], мо. *омруу*, бур. *оморю(н)*, *умарю(н)*, калм. *омрун*, ойр. *омруун*, орд. *uturū, oturū* 'ключица; грудина (лошади)' [EDAL 1052]), 'нечто изогнутое' (ср.-мо. *eme'el* [SH], *atal* [IM], *emēl, em[ē]l* [MA 139, 154], *imēl* [LH], *jemējil* [Lig.VMI], пкл.-мо. *emege:l* [Tum. 386], п.-мо. *emegel* [Kow. 243], мо. *эмээл*, бур. *эмээл*, калм. *эмэл*, ойр. *эмээл*, орд. *emēl*, мог. *emōl, jamāl, Jamal*, даг. *emēl, emele*, бао.

*emel*, ж.-уйг. *emel*, *emēl*, мнгр. *imer*, *imel* [EDAL 506] 'седло').

Образ выступающей над поверхностью земли горы обусловил развитие значения 'большой, крупный, рослый' в корне п.-мо. *tomu* [Less. 823], мо. *том*, бур. *томо*, калм. *том*, ойр. *томо*; ср. калм. *дүмбр* 'величавый, величественный'. Значения прилагательного п.-мо. *tömbüger*, мо. *төмбөгөр* 'выпуклый, пузатый, видный (о вершине горы)' показывают, каким образом могла произойти контаминация значений 'выпуклый // большой'.

В 3.2.2. ГП 'нечто остроконечное' освещаются случаи энантиосемии – экспликации признака 'остроконечный' (п.-мо. *šötüger*, *šömbüger*, мо. *шөмгөр*, *шөмбгөр*, бур. *шүмэггэр*, *шүмбэггэр* 'конусообразный'); калм. *цомцүр* 'высота, возвышенность'; п.-мо. *šotšiu*, мо. *цомцог* 'купол'; п.-мо. *šimčasu*, мо. *цумчас* 'выступ', калм. *цумг* 'холмик'; п.-мо. *šümčisü*, мо. *цумчис* 'горка с остроконечной вершиной'. Развитие противоположного значения стало возможным благодаря образу острой морды животного: в бурятском языке *шумэ-шумэ* говорится о движении кого-л. остромордого или чего-л. остроконечного. Корни *šümlüm* представляют собой кинему, обозначающую принюхивание к чему-л.

Таким образом, семантический континуум, создаваемый с помощью корневой согласной [m], также поддается достаточно четкому структурированию. Структура фоносемантического пространства корней с согласным [m], отражающих зрительное восприятие формы объекта, выглядит следующим образом.



Схема 2

Итак, выделенные в данной главе генеральные признаки демонстрируют, как различные аспекты осмысления явлений и процессов могут привести к возникновению противоположных образов с помощью одного и того же согласного в позиции доминанты («круглый ↔ торчащий»).

Результаты исследования лексем, содержащих информацию о форме предметов, свидетельствуют о том, что развитие зрительного образа шло по линии выделения специфического сенсорного содержания, а именно наиболее характерного звука, ассоциируемого с предъявляемой формой. Информация о размере (п.-мо. *tomi* 'большой'), длине (*urtu* 'длинный') объекта получается в результате дальнейшей трансформации образа, отражающего его форму.

В главе IV «Манифестация ощущений с помощью акустико-артикуляционных характеристик согласных [r/m]» рассмотрены аспекты вербализации зрительного восприятия световых явлений, а также информации, получаемой с помощью осязательного, вкусового и обонятельного модусов перцепции, происходящей на основе акустико-артикуляционных параметров согласных [r/m]. В данном случае семантика корневой морфемы интерпретируется непосредственно в зависимости от способа и места артикуляции ее доминанты.

В §4.1. «Актуализация зрительного восприятия световых явлений» внимание уделяется языковому отражению воздействия яркого<sup>11</sup> и тусклого света на глаза. В п.-мо. *irya-* 'болят глаза, ломит глаза' [Kow. 324], мо. *ярга-*, бур. *ирга-* 'резать, колоть (о боли в глазах)'; п.-мо. *irayalʃa-* [Kow. 319], мо. *яралз-*, калм. *ярлз-*, ойр. *йаралза-* 'рятьбить'<sup>12</sup>; сверкать'; п.-мо. *čargi-*, мо. *царги-* 'слепнуть (от блеска снега)', бур. *һарга-* 'слепить глаза (о солнечных лучах)' можно наблюдать верхний абсолютный порог ощущений, т.е. максимальную величину раздражителя, которую способен воспринимать зрительный анализатор. Интенсивность стимула вызывает изменение модальности ощущения: очень яркий свет, воспринимаемый нервными окончаниями сетчатки глаз, вызывает болевые ощущения, сопоставимые с внутренним раздражением, сопоставимым с акустико-артикуляционными характеристиками звука [r].

В результате работы данного модуса перцепции, на наш взгляд, появились лексемы: ср.-мо. *sara* [HY 1, SH, LH], *saran* [IM], *sara* [MA 318], пкл.-мо. *sara(n)* [Tum. 544], п.-мо. *sara, sar-a* [Kow. 1328], мо. *сар*, бур. *һара*, калм. *сар*, ойр. *сара*, орд. *sara(n)*, даг. *sarūl, sar, sare, sareule*, дунс. *sara*, бао. *sare, sera*, ж.-уйг. *sara*, мнгр. *sara* [EDAL 1512] 'луна'; ср.-мо. *narān* [HY1, SH, LH, IM, MA 245], прекл.-мо. *narān* [Tum. 477], п.-мо. *narān* [Kow. 620], мо. *нар*, бур. *наран*, калм. *нар*, ойр. *нар*, орд. *nara(n)*, мого. *narān*, даг. *nar*, дунс. *narān*, бао. *narān*, ж.-уйг. *narān*, мнгр. *nara* [EDAL 1028] 'солнце'; ср.-мо. *ūr, ōr* [MA 382], п.-мо. *ūr, ūr cūr* [Kow. 577], мо. *үүр*, бур. *үүр*, калм. *өр*, ойр. *өр*, орд. *oro, or*, даг. *ur*, бао. *or*, ж.-уйг. *ojir*, мнгр. *ōr*

<sup>11</sup> Ср. корень \**jark* в рус. *яркий*, кластеры *br, str* в англ. *brightstriking* 'яркий', нем. *grell* 'яркий'; рус. *заря, зарево, озарить, брезжить* и др.

<sup>12</sup> Привлекает внимание фонетическая близость корней в бур. *ерб-эдэ-*, калм. *ирв-лз-* 'ослеплять, бить в глаза (о солнце)' и рус. *рять-ить*.

[EDAL 1040] 'рассвет'.

Функция корней \**ǰirǰer* также состоит в подражании блистанию, сверканию, мерцанию: п.-мо. *ǰirabki-, ǰirubki-* 'блистать, сиять'; п.-мо. *ǰergelge*, мо. *зэрэглээ(н)*, бур. *зэрэлгээ* 'мираж; марево'; п.-мо. *ǰirya-*, мо. *жарга-*, бур. *жарга-*, калм. *ǰирһ-* 'скрываться за горизонтом (о солнце)'. Ср. эвенк. *тирга* 'днем; сегодня; зарница; утренняя заря', *тиргал-* 'светать' [ССТМЯ, 1977, с. 187]. Корню \**ger* в целом свойственно передавать несколько приглушенное проявление световых явлений: пкл.-мо. *gerel* [Tum. 405], п.-мо. *gerel* [Kow. 2506], мо. *гэрэл*, бур. *гэрэл*, калм. *герл*, ойр. *герел*, орд. *gere*, *gerel*, даг. *gerel*, дунс. *gieren*, ж.-уйг. *gerel*, мнгр. *gərēl, gərē* 'луч, свет'; ср.-мо. *gere* 'свет' [IM], п.-мо. *ger-e* 'просвет; утренняя заря' [Kow. 2504], мо. *гэрээ*, бур. *гэрэ* 'лучина (как источник света); свет (перед рассветом)'.

Понятие 'сумрак; сумерки' в монгольских языках реализуются посредством лексем, производных от \**bar/bür/qar/kir*: п.-мо. *bürüi barui, kürüi barui* 'сумерки' [Kow. 1134, 1254], мо. *харуй бүрий, бүрий баруй*; п.-мо. *kiray-a*, мо. *хираа*, бур. *хираа* 'предрассветные сумерки'; п.-мо. *kirqai*, мо. *хярхай* 'мельком виденное'. Приглушенные световые явления в сумерках связаны с тем, что в это время суток на границе между светом и темнотой с каждым мигом сужается мерцание света. На основе значения 'мерцать (в темноте)', на наш взгляд, могли развиться обозначения темных оттенков цвета: *baruyar* [Less. 89], мо. *баргар*, ойр. *барһр* 'черный; мрачный'; ср.-мо. *boro* [HY 42, SH], *bora* [MA 121], п.-мо. *boru* [Kow. 1213], мо. *бор*, бур. *боро*, калм. *бор*, ойр. *боро*, орд. *boro*, мог. *borō*, дунс. *boro(н)*, мнгр. *burondog, boro* [EDAL 376] 'серый; сивый'; п.-мо. *börtü* [Kow. 1261], мо. *бөрт* 'пестрый; сивый'; п.-мо. *küren(g)* [Kow. 2636], мо. *хүрэн*, бур. *хүри(н)*, калм. *күрң*, ойр. *күрен*, орд. *kürin, küren*, даг. *kurel, xürin*; ж.-уйг. *küreñ*, мнгр. *kurē* [EDAL 828] 'коричневый; темно-рыжий'; ср.-мо. *qara* [HY 41, SH], *qara* [IM], *qara* [MA 292], пкл.-мо. *qar-a* [Tum. 521], п.-мо. *qara* [Kow. 823], мо. *хар*, бур. *хара*, калм. *хар*, ойр. *хара*, мог. *qarō*, даг. *хара*, дунс. *qara*, бао. *хера*, ж.-уйг. *хара*, мнгр. *хара* [EDAL 651] 'черный'.

Корни с сонантом [r] служат для передачи мелькания, мельтешения и пестроты однотипных предметов, которые можно поделить на две категории. К первой из них относятся предметы, имеющие прямую, узкую, вытянутую форму по аналогии с лучами солнца: п.-мо. *ǰiriger*, мо. *ǰиргэр*, бур. *ǰэргэгэр*, калм. *ǰирһр* 'расположенный ровными рядами', *ǰирс ǰирс хий-* 'мелькать, рябить' (о чем-либо ровном, узком). Результатом дальнейшей абстракции образа стало ср.-мо. *ǰerge* [SH, Hyt], ср.-мо. *ǰerge* [MA 205], пкл.-мо. *ǰerge* [Tum. 427], п.-мо. *ǰerge* [Kow. 2326], мо. *зэргэ*, бур. *зэргэ*, калм. *зэрг*, ойр. *зэрге*, орд. *ǰirge*, даг. *ǰerigi, ǰerehe, ǰerge, ǰereg*, ж.-уйг. *ǰerye*, мнгр. *ǰerge* [EDAL 1535] 'ряд, уровень; звание'; п.-мо. *sirkeg*, п.-мо. *ширхэг* 'штука, экземпляр'; ср.-мо. *čerik* [IM], *čirik* [LH], *čerig, čerik* [MA

132], пкл.-мо. *čerig* [Tum. 319], п.-мо. *čerig* [Kow. 2128], мо. *цэрэг*, бур. *сэ-рэг*, калм. *цeрг*, ойр. *цeрeг* 'войско, армия; воин, солдат' и др.

Способность дрожащего сонанта [r] обозначать мелькание, мельтешение однотипных предметов, имеющих узкую, вытянутую форму, обусловила появление в алтайских языках обширной группы корней с общим значением 'передвигать ноги; двигаться'. В ср.-мо. *ǰoriya* [LH], п.-мо. *ǰiruya* [Kow. 2359], мо. *жороо*, бур. *жороо*, калм. *ǰора*, ойр. *ǰора* 'иноходь' изобразительный корень *ǰir-ǰir* соотносится с характером движения ног коня-иноходца, переставляемых не по диагонали, а односторонне, т.е. рядами: сначала правую заднюю и правую переднюю, потом левую заднюю и левую переднюю (ср. бур. *epby-* 'виднеться в виде стройных рядов'). Образ мелькания переставляющихся ног дал также глагол движения: ср.-мо. *yorči-* [LH, IM], *orči-* [MA 269], пкл.-мо. *ǰorči-* [Tum. 435], п.-мо. *ǰorči-* [Kow. 2406], мо. *зорчи-* 'шествовать, идти'.

Во вторую категорию вошли мелкие, зачастую округлые предметы, обладающие гладкой поверхностью, отражающей свет. Их быстрое, прерывисто-кратное движение, легкое мелькание, мельтешение порождают значения 'пестрый, пегий, разноцветный': п.-мо. *eriyen* [Kow. 253], мо. *эрээн*, бур. *эреэн*, *эригэр*, калм. *эрэ*, ойр. *эрээ* 'пестрота; пестрый, пегий'; бур. *эрeэ марьян*, орд. *erēn terēn*; п.-мо. *tiriyeu*, мо. *мирээн* 'пестрый, разноцветный'.

Несметное множество переливающихся на солнце маленьких рыбок, вызывающих рябь в глазах, отражено в п.-мо. *ǰirayaqai*, мо. *жараахай*, бур. *жараахай* 'мальки; мелкая рыбешка'; п.-мо. *ǰirtayai* 'рыбья икра' [Kow. 2369], мо. *жарамгай*, калм. *ǰирмэхэ*, ойр. *ǰирмэхэхэ* 'молодь, малек'; п.-мо. *qarbay-a*, мо. *харваа* 'малек'. Ср.-мо. *siroxalǰin* [HY 12], пкл.-мо. *siryu:lǰin*, *siryu:lǰin* [Tum. 565], п.-мо. *siryulǰi(n)* [Kow. 1530], мо. *шоргоолж*, бур. *шоргоолжон*, калм. *шорһлжн*, ойр. *шорһолжн*, орд. *šurGulǰi*, *šurGülǰi*, *šorGolǰi*, даг. *suaigälǰi*, *suajhaleǰi*, мнгр. *šorGoǰin* [EDAL 1297] 'муравей' восходит к корню \**sirǰ/sirǰir* 'нечто кишашщее, мелькающее (во множестве)': п.-мо. *ira ǰira* 'несчетный, бесчисленный' [Kow. 318], бур. *ира-ира* 'кишмя кишеть, мелькать'.

Данный модус перцепции обусловил появление ряда названий ягод: п.-мо. *persü* [Kow. 625], мо. *нэрс*, бур. *нэрһэн*, калм. *нерх*, ойр. *нерехе* 'голубика'; п.-мо. *nür* [Kow. 704], мо. *нүр* 'черника' (*нөр-нөр гэ-* 'рябить, пестрить'); ср.-мо. *bürlügen* [MA 127], п.-мо. *bürilgene*, *bürilǰene*, мо. *бүрэлгэнэ*, *бүрэлзгэнэ* 'калина' (п.-мо. *bürelǰe-*, мо. *бүрэлзэ-* 'рябить, мель-

коть). В ср.-мо. *yarma* ‘крупа’ [МА 387], п.-мо. *ĵarm-a* ‘мелкая крупа’ [Kow. 2305], мо. *зарам* ‘отруби (из рисовой крупы), мучные высевки’<sup>13</sup> корень *ĵarm* воспроизводит дискомфорт, возникающий в глазах при наблюдении множества мелких зернышек.

Известно, что глаза как человека, так и животных благодаря своим оптическим свойствам способны отражать попадающий в них свет: они могут сверкать, сиять, блестеть и пр. В монгольских языках широко представлены образные слова, характеризующие взгляд человека: п.-мо. *ormūyi-*, мо. *ормой-*, калм. *орма-*, ойр. *ормаа-* ‘озираться’; п.-мо. *tormūyi-* [Less. 827], мо. *тормой-* ‘выпучиваться’; бур. *зэртэгэр*, калм. *зэртһр*<sup>14</sup> ‘вытаращенный (о глазах)’; п.-мо. *ĵirmayar*, *ĵirmeġer* [Kow. 2370], мо. *жармагар*, *жирмэгэр*, ойр. *жирмегегер* ‘узкоглазый’; п.-мо. *ĵirmelče-* ‘смотреть сладострастно’ [Kow. 2368]; п.-мо. *sirte-* [Kow. 1533], мо. *ширт-*, бур. *шэртэ-*, калм. *ширт-*, ойр. *ширте-* ‘впиваться глазами’; пкл.-мо. *giraqai nidū* [Tum. 243, 405], п.-мо. *kiraqai nidūn* ‘зоркий глаз’ [Kow. 2549], мо. *гярхай* ‘обладающий исключительной зрительной памятью’.

Функционирование приведенного ряда лексем свидетельствует о том, что глагол смотрения ср.-мо. *qara-* [SH, МА 292, НУт], пкл.-мо. *qara-* [Tum. 522], п.-мо. *qara-* [Kow. 831], мо. *хар-*, бур. *хара-*, калм. *хар-*, ойр. *хар-*, орд. *хара-*, мог. *qara-*, мнгр. *харэ-* [EDAL 648] ‘видеть; смотреть’ также может быть связан со способностью глаз отражать свет, т.е. < ‘сиять, сверкать’>. В ср.-мо. *mergan* [НУ 37, SH], пкл.-мо. *mergen* [Tum. 460], п.-мо. *mergen* [Kow. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мерген*, орд. *mergen*, даг. *mergen*, *tereġen*, дунс. *терьен*, мнгр. *mergen*, *turgen* [EDAL 918] ‘меткий; меткий стрелок’ корень \**merg*, на наш взгляд, мог передавать сосредоточенный взгляд во время прицеливания, что косвенно подтверждается функционированием глаголов: п.-мо. *mira-* ‘шпионить, подсматривать’, *miralkila-* ‘останавливаться по временам на пути и озираться, посматривать (например, зверолов на охоте)’ [Kow. 2026]; бур. *марья-* ‘нацеливаться’. В целом следует отметить некую затемненность, непрозрачность семантической деривации, породившей данное слово, однако на достигнутой ступени анализа можно сделать вывод о том, что разные значения *мэргэн* ‘меткий’ и ‘мудрый’ включаются в две различные этимологические канвы, которые могут быть объединены на базе звуко-символической интерпретации.

Таким образом, дрожащий сонант [r] служит для выражения однократного или прерывистого движения света, осложняющего или нарушающего восприятие. Цветообозначения, имеющие в составе корня дрожащий сонант [r], возникли на основе дискомфорта при зрительном восприятии

<sup>13</sup> Ср. корень \**zern* в рус. *зерно*, родственно лит. *zirnīs* ‘горошина’, лтш. *zīrns*, др.-прусс. *zyrne* ‘зерно’ [Фасмер, 1967, с. 95–96].

<sup>14</sup> Ср. рус. *зр-ить*, *зр-ение*, в-зор, *зырк-ать*, разг. *зыр-ить*, *зорк-ий* и др.

яркого солнца (о желтом цвете) и сумерек (о темных оттенках). Также ценным представляется выявление целого ряда так называемых глаголов зсмотраения, актуализирующихся в языке с помощью восприятия сияющих, сверкающих глаз человека.

Акустико-артикуляционные характеристики согласного [m] позволяют ему выражать признаки 'тусклый, смутный' лишь в одном корне \**süm*: п.-мо. *sümeg, sümeki* [Kow. 1430], мо. *сүмгэр, сүүмгэр*, бур. *һүүмэгэр* 'тусклый, неясный; мерцающий (о свете); подавленный', ойр. *сүмелзе* 'мерцать, слабо светить'. Пмонг. форма \**süme* сопоставляется с Птунг. \**sim* 'тень, темное место', а также изолированной формой в чувашском языке *sə<sup>w</sup>m* 'темнота, тень' [EDAL 1290].

§4.2. «Актуализация вкусового восприятия» содержит анализ рефлексивно-номинативных функций согласных [r/m] в составе корней, передающих вкусовые ощущения. В связи с полимодальностью восприятия мы указываем в данном случае вкус как «ведущий» модус восприятия, хотя не исключаем присутствия сигналов других модусов, в особенности обоняния.

Выявленно особенностей вербализации вкусовых ощущений в монгольских языках в немалой степени способствуют названия спиртных напитков. Так, семантика корня \**dar* в ср.-мо. *darasun* [IM], пкл.-мо. *darasu(n)* [Tum. 362], п.-мо. *darasu(n)* 'хмельной напиток; вино (некуренное)' [Kow. 1664], мо. *дарс(ан)*, бур. *darhan*, калм. *дарасн* сопоставима с семантикой корня \**darb* в п.-мо. *darbigina-*, мо. *дарвигна-* 'ощущать пряный, острый вкус': *гич хэл дарвигнуулна* 'горчица щиплет язык', т.е. 'горчица заставляет язык дрожать (др-р-р)'. Ср. также бур. *darhan* 'кислый; кислотина; квасок' [Мельхеев, 1969, с. 82]; як. *дьаар* 'приторный вкус, привкус парного молока'; ма. *фургин* 'острый (на вкус), жгучий, пряный', *фургису* 'имбирь' [ССТМЯ, 1977, с. 303]. Корень \**tar*, также передающий признак 'кислый', возможно, заложен в названии кисломолочного напитка ср.-мо. *toraq* 'кислое молоко, творог' [LH], п.-мо. *taray*, мо. *тараг*, бур. *тараг*, калм. *тарг*, ойр. *тараг*, 'тараг (род простокваши)'.

Словоформа пкл.-мо. *araki* [Tum. 302], п.-мо. *araki, ariki* 'вино, водка, хмельной напиток' [Kow. 143], мо. *архи*, бур. *архи*, калм. *эрк*, ойр. *эрке* 'водка (из кислого молока); крепкие хмельные напитки' в алтаистической литературе признается арабским заимствованием (от *arrâq* 'пот, испарина; водка; выжатый сок, духи'), однако мы склоняемся к иному толкованию, впрочем, не претендуя на то, что наше объяснение правильное и единственно возможное. Допуская то, что лексема *arki* могла возникнуть в недрах собственно алтайской языковой общности, морфологически в ней можно выделить корень \**ark*, который в данном случае мог бы передавать обжигающий вкус данного напитка, хотя не исключено, что в процессе появления слова *архи* ведущую роль сыграло обоняние: ср. бур. зап. *архя-ар ард гэжэ ангила-* 'издавать резкий запах водки', где *ард* (звучит как *ар-рд*) передает резкость запаха.

Подтверждением возможности возникновения лексемы *архи* на почве алтайских языков могут служить синонимы, обозначающие следующие ступени перегонки водки: п.-мо. *araĵa* [Kow. 143], мо. *арз*, бур. *арза*, калм. *арз*, ойр. *арза* 'молочная водка двойной перегонки'; п.-мо. *qoruĵa* [Less. 970], мо. *хорз*, бур. *хорзо*, калм. *хорз*, ойр. *хорза* 'водка тройной перегонки'; п.-мо. *siraĵa* [Kow. 1522], мо. *шарз*, бур. окин. *шарза* 'четверной спирт', в которых доминанта [r] указывает на такие признаки, как 'резкий, сильный, неприятный (о вкусе/запахе)'. Признаки 'острый, гжучий' в полной мере воплощены в п.-мо. *sir-a*, мо. *шар*, бур. *шара* 'изжога; похмелье'; п.-мо. *šoru* [Kow. 1542], мо. *шор* 'соленый на вкус'; п.-мо. *šorbuy* [Kow. 1543], *шорвог* 'слишком соленый', бур. *шороб* 'острый, пряный (о блюде)'; ср.-мо. *sarimsaq* [MA 179], пкл.-мо. *sarimsaq* [Tum. 545], п.-мо. *sarimsay* [Kow. 1335], *sarimsu*, мо. *саримс*, *саримсаг*, калм. *сэрмсг* 'чеснок'; п.-мо. *sarana* 'дикий чеснок' [Kow. 1328], мо. *сарана*, бур. *һараана*, орд. *sarānaG* [EDAL 1123] 'лилия тонколистная, саранка' и др. Очевидно, что дрожащий характер сонанта [r] стал источником для развития в монгольских языках значений 'острый, резкий, кислый, неприятный (о вкусе и запахе)'.

С помощью согласного [m] реализуется противоположное значение 'сладкий; вкусный'. Как отмечалось выше, от корня \**tamš*, обозначающего причмокивание, чавканье, образован глагол п.-мо. *tamsiya-* [Kow. 1646], мо. *тамшаа-*, бур. *тамшаа-*, калм. *тамша-*, ойр. *тамшаа-*, в котором первичное значение 'чавкать' развилось в 'чмокать от удовольствия, смаковать'. Производящая основа \**tam* выделяется в существительном п.-мо. *tamsuy*, *tangsuy*, мо. *тамсаг*, *тансаг* 'удовольствие; лакомство, сласти'.

В §4.3. «Актуализация обонятельного восприятия» выявляется роль доминант [r/m] в языковом выражении обонятельной (от лат. *olfactivus* 'запах') сферы сенсорнума. В монгольских языках она вербализуется с помощью ограниченного числа лексем с корневым согласным [r]: бур. *сорьё-* 'бить в нос (о запахе)', *шороб* 'резкий, едкий (о запахе)'; п.-мо. *kirbasun* 'опаленная шерсть' [Kow. 2553], мо. *хярвас* 'запах горелой шерсти, ткани; гарь; чад'. Лексемой ср.-мо. *ĵā'ār*, *ĵār* 'мускус' [MA 192, 204], п.-мо. *larĵi*, мо. *ларз*, бур. *ларза*, ойр. *ларза*, калм. *зар* 'кабарговая струя, мускус' обозначается продукт, вырабатываемый семенными железами самца кабарги и обладающий резким специфическим запахом. Ср. также Птюрк. \**ĉer* 'запор (эвфем.); гнилой, сгнивший; гнить; грязь; труха, гниль', Пкор. \**ĉiri-* 'плохо пахнуть' [EDAL 434], звенк. *чири-*, нан. *чирифтала-* 'вонять, скверно, неприятно пахнуть' [ССТМЯ, 1977, с. 399].

В других языках алтайской семьи зафиксированы лексемы, в которых доминанта [r], напротив, служит для манифестации душистого аромата: нан. *сур*, *сур-р* 'душисто, ароматно, пахуче', ма. *сур сэмэ* 'ароматно' [ССТМЯ, 1977, с. 129], каз. диал. *зар* 'благовоние; приятный запах цветов'



[Кайдаров, 1986, с. 220]. Эти примеры свидетельствуют о том, что согласный [r] служит для вербализации крайней степени полярных ощущений: очень неприятный ↔ очень приятный. В монгольских языках лексем с подобным значением не обнаружено.

Несколько иначе происходит вербализация ольфакторной информации с помощью согласного [m]. В прилагательных ср.-мо. *hümkei* [LH], *hümkei* [MA 191], пкл.-мо. *ömekei*, *ötökei* [Тум. 510], п.-мо. *ümükei*, *ümiki* [Kow. 537], мо. *өмх*, *өмхий*, *үмхий*, бур. *үмхи*, *үмхэй*, калм. *үмкэ*, ойр. *өмке*, дунс. *фумуһи* 'гнилой; вонючий, зловонный' корень \**ümк*, на наш взгляд, вербализует плотное сжатие губ и задержку дыхания во избежание попадания в легкие неприятного запаха.

Результаты показывают, что согласный [r], как и в предыдущих разделах данной главы, непосредственно передает внутренний дискомфорт, вызываемый резким, неприятным запахом. В случае же с согласным [m] мы наблюдаем развитие значений на основе озвучивания первоначально беззвучных подражательных жестов рта и носа. Следует отметить, что монгольские языки, как и алтайские языки в целом, не обладают большим разнообразием средств объективации вкусовой и ольфакторной информации по сравнению с языковыми средствами других видов восприятия.

В §4.4. «Языковая интерпретация осязательного восприятия» лексический материал распределяется в зависимости от того, действия каких рецепторов (экстеро- или интероцепторов) послужили основой для номинации. Если ранее мы в основном рассматривали аспекты актуализации действия экстероцепторов (слух, зрение, вкус, обоняние), то в данном параграфе также представлены лексемы, связанные с действием интероцепторов. Классическая физиология органов чувств выделяет три вида кожной чувствительности: 1) механической; 2) термальной; 3) болевой.

В 4.4.1. «Механорецепция» определяется роль доминант [r/m] в восприятии ощущений прикосновения и давления. В актуализации признаков 'шершавый, шероховатый; твердый, заскорузлый', передаваемых корневым согласным [r], задействованы как тактильные, так и аудиальные структуры воспринимающего тела. Проведение подушечками пальцев рук по шершавой поверхности вызывает внутреннее дрожание (иногда раздражение), сопоставимое с акустико-артикуляционными признаками согласного [r]<sup>15</sup>. Указанные признаки в большинстве случаев реализуются в корнях с аффрикатами [ʃʃ] в ауслауте, также отсылающими к звучанию шуршащих, шелестящих, высохших предметов. Например, п.-мо. *eršiger*, *erčigir*, мо. *эржгэр*, *эрчгэр*, бур. *эржэгэр* 'зернистый; шершавый'; ср.-мо. *sere'ü:n*, *sirü'ü:n*, *sirü:n* [MA 323], пкл.-мо. *sirigu:n* [Тум. 565], п.-мо.

<sup>15</sup> Ср. рус. *ш-р-р*, *шерш-авый*, *шерош-оватый*; англ. *rough*, *rugged*; нем. *rauh*, фр. *grenu*, *rugueux* 'шершавый' и др.

*sirügün* [Kow. 1527], п.-мо. *ширүүн*, бур. *шэрүүн*, дунс. *шээрүн* ‘широковатый; жесткий’.

Признаки ‘хрупкий, шуршащий’ проявляются в п.-мо. *dörsü*, мо. *dörc* ‘шелуха, скорлупа’; п.-мо. *sarisun*, мо. *сарьс(ан)*, бур. *һарьһан* ‘перепонка; мембрана; пергамент’; ср.-мо. *korisu* [SH], п.-мо. *körüsü* [Kow. 2641], мо. *хөрс*, бур. *хүрһэн*, калм. *көрсн*, ойр. *көрсен*, орд. *korosu* (*koros*), даг. *kurbus* [EDAL 827] ‘кожица, тонкий покров’, имеющей параллели в других языках алтайской группы: Птунг. *\*xura-hta* ‘кора; оболочка, кожица’; Птюрк. *\*kirtül* ‘поверхность; кора, верхний слой’ [EDAL 827]. В ср.-мо. *örmege* [IM], *ormege* [SH], п.-мо. *ermüge*, *örmüge* ‘шерстяная ткань; грубое сукно’ [Kow. 262, 589], мо. *өрмөг*, калм. *өрмг*, ойр. *өрмег*, орд. *örtögö*, мнгр. *merge* [EDAL 1059] ‘рогожа, дерюга’, бур. *бох. үрмэгэ* ‘половик’ возможно выделение корня *\*örm* ‘нечто грубошерстное’. М. Рясянен считает *өрмөг* тюркским словом, образованным от корня *\*(h)ör-* ‘плести, ткать’, а мо. *örmüge* – тюркским заимствованием [Räs. 375a].

Благодаря акустико-артикуляционным признакам согласного [m] стала возможной реализация в корнях с данной доминантой противоположных значений ‘пышный, пушистый; пухлый, мягкий’, которые реализуются в п.-мо. *bambayar* [Less. 81], *bembeger*, *bumbayar*, мо. *бамбагар*, *бэмбэгэр*, *бумбагар*, бур. *бамбагар*, калм. *бамбр*, ойр. *бамбаһар* и др. Среди наиболее характерных «воплотителей» признаков следует отметить п.-мо. *sambai*, мо. *самбай* ‘усы, борода’, бур. *һамбай*, сел. *самнай* ‘челка’; п.-мо. *bambursi* [Kow. 1081], мо. *бамбарси*, *бамбарууш* ‘медвежонок’; п.-мо. *γamba*, мо. *гамба* [цэцэг] ‘мимоза’. Таким образом, доминанты [r/m] участвуют в манифестации тактильных перцепций: «шершавое ↔ пушистое»<sup>16</sup>, «твердое ↔ мягкое», лежащих в основе концептуальных систем и позволяющих воспринимать важнейшие параметры окружающего мира.

В 4.4.2. «Терморцепция» зафиксированы корни с доминантой [r], способные передавать ощущение холода и жара в монгольских языках. Работа холодовых рецепторов, явственно ощущаемая при дуновении на ладони, отражается в следующих формах: п.-мо. *berbeyi-* [Kow. 1127], мо. *бэрвий-* ‘коченеть, деревенеть от холода’; п.-мо. *čarbalǰa-*, мо. *царвалза-* ‘трястись от холода’; п.-мо. *čerčeyi-* [Kow. 2128], мо. *цэрчий-* ‘промокать насквозь’; п.-мо. *ǰarayi-*, мо. *зарай-* ‘чувствовать себя нездоровым; мороз по коже дерет’; п.-мо. *sirbegede-* ‘получить так называемую гусиную кожу’ [Kow. 1531]; бур. *сэрье-* ‘обдавать холодом, дуть’.

Работа тепловых рецепторов, воспринимающих высокую температуру, отражена в п.-мо. *örbis-* [Kow. 587], мо. *өрвөс хий-* ‘вспыхивать’; пкл.-мо. *dürü-* [Tum. 375], п.-мо. *durba-*, мо. *дурва-* ‘пылать (об огне)’; бур. *дүрэ-*

<sup>16</sup> Следует отметить, что признак ‘гладкий’ реализуется в монгольских языках с помощью переднеязычного, щелевого, бокового [l].

*дургэ-*, монг. *durga-*, *duru-* [EDAL 485] ‘гореть, сгорать’, калм. *дэр-* ‘чувствовать холод, тепло’ и др. На алтайском уровне приводится монгольско-тунгусская изоглосса: Птунг. \**dur-* ‘гореть, пылать; разводить огонь’ [EDAL 485].

Следует подчеркнуть, что лексемы, связанные с огнем, являются наиболее сложными в плане выявления ведущего модуса перцепции, поскольку глазами можно воспринимать блики, вспышки огня, ушами – слышать его треск, кожей – ощущать его жар, что свидетельствует о тесной взаимосвязи ощущений разных рецепторов в процессе восприятия любого предмета или явления. Это подтверждает так называемый закон множественности номинации, согласно которому в основе названия одного и того же объекта могут лежать разные признаки, один и тот же признак, в свою очередь, может быть положен в основу названия разных денотатов. Таким образом, доминанта [*r*] служит языковой актуализации работы холодовых рецепторов, осуществляющих тактильное восприятие воздуха, ветра, воды, и тепловых рецепторов, связанных с восприятием жара, огня. Случаев участия доминанты [*m*] в репрезентации термальной чувствительности в монгольских языках не зафиксировано.

В 4.4.3. «Болевая чувствительность» основное внимание уделяется лексемам, в которых доминанта [*r/m*] передает работу ноцицепторов. Если предыдущие два вида чувствительности связаны с поверхностью кожи, находящейся на «периферии» осязательной модальности человеческого тела, то болевая чувствительность связана как с поверхностными, так и с глубинными структурами осязания.

Связанное с истинным повреждением ткани ощущение пронзительной, резкой боли, отдающейся внутри звуком *яр*, заложено в ср.-мо. *yara* [IM], *yara* [MA 387], пкл.-мо. *yar-a* [Туп. 629], п.-мо. *yara* [Kow. 2300], мо. *яр*, бур. *яра*, дунс. *јага* ‘рана; язва, болячка’, дунс. *ірун* ‘гнойный абсцесс’, бур. *ярья-* ‘нить, ломить (о костях)’. Ощущение жгучей, саднящей боли проявляется в п.-мо. *qorsu-*, мо. *хорс-*, калм. *хорс-*, ойр. *хорса-* ‘чувствовать жгучую боль; саднить’; бур. *хордо-* ‘болеть от ожога; жечь’; п.-мо. *ere-*, мо. *эр-* ‘воспалиться (о женской груди)’; п.-мо. *erkere-* [Kow. 272], мо. *эрхрэ-* ‘саднить; испытывать щиплющую боль’; п.-мо. *sirq-a*, *sirqan* ‘рана (от реза, пули); язва, уязвление’ [Kow. 1528], мо. *шарх*, бур. *шарха*, калм. *шарх*, ойр. *шарха*, орд. *šarxa* ‘рана, язва, ссадина’; ср.-мо. *sirqa-* [SH], п.-мо. *sirbegede-* ‘чувствовать нестерпимую боль в теле’, *sirkira-*, *sirkire-* ‘чувствовать ломоту (в костях и членах)’ [Kow. 1530, 1534], бур. *шарда-* ‘жечь’, даг. *šerkire-*, мнгр. *sgirē-* [EDAL 1517] ‘ощущать острую боль’. Для выражения ноющей боли в монгольских языках используются п.-мо. *mermerki-* ‘хворать, чувствовать боль в животе’ [Kow. 2019], мо. *мэр мэр хий-*, калм. *мер-мер* ‘резать, колоть (о боли в животе)’; п.-мо. *nōri* ‘укоренная болезнь’, *nōri-* ‘не переставать хворать’ [Kow. 704].

Несколько приглушенные болевые ощущения в могут также выражать-

ся с помощью доминанты [m] в п.-мо. *čimkii-*, мо. *чимхий-* ‘болеть, стрелять (при ощущении боли)’; п.-мо. *jit*, мо. *жим жим* ‘боль, вызванная щипками’, *жим жим өвд-* ‘пульсировать’; п.-мо. *simsire-* [Kow. 1506], мо. *шимшир-*, бур. *шэмшиэр-*, калм. *шимшир-*, ойр. *шимшире-* ‘ныть, ломить’.

В 4.4.4. «Эмоции и чувства» аргументируются случаи языковой актуализации чувств и эмоций, поскольку результаты исследования демонстрируют способность дрожащего сонанта [r] активно участвовать в данном процессе. Значения большинства рассматриваемых здесь лексем выражаются средствами доминанты [r], характеристики которой сопоставимы с полярными чувствами и эмоциями и передают крайнюю степень их проявления.

Корень *ĵir* в ср.-мо. *ĵirqa-* [HY 37, SH, HYt], пкл.-мо. *ĵarĵa-* [Tum. 430], п.-мо. *ĵirĵa-* ‘веселиться; благоденствовать’ [Kow. 2366], мо. *жарга-*, бур. *жарга-*, калм. *жирф-*, ойр. *жирфе-*, орд. *ĵirGa-*, даг. *Ĵarga-*, *ĵirĵa-*, ж.-уйг. *Ĵargə-*, мнгр. *ĵirGa-* [EDAL 1555] ‘быть счастливым, блаженствовать’ служит для экспликации ощущения внутреннего возбуждения, радости: ср. п.-мо. *darbi-* [Kow. 1680], мо. *дарви-* ‘приходить в состояние радостного возбуждения при виде шумной толпы’; бур. *дэрбэлзэ-* ‘быть в приподнятом настроении’, *дэрбэ-* ‘восторгаться’. Так же, как и страх, состояние счастья в первую очередь обусловлено телесными ощущениями: переизбыток эмоций сопровождается учащением сердцебиения и дыхания, общего ритма работы организма (*д-р-р*, *ж-р-р*). Если, по нашему предположению, счастье воспринимается в рязательной модальности, то Л. С. Левитская видит в глаголе *жарга-* результат зрительного восприятия, возводя его к имитативной основе \**йар* ~ *жар* ‘сверкнуть, блеснуть’ [ЭСТЯ, 1989, с.146].

Противоположное состояние в монгольских языках выражается с помощью словосочетания п.-мо. *örü ebed-* ‘душевно скорбеть, быть сердобольным, искренне сожалеть’ [Kow. 581], мо. *өр өвд-*, бур. *үрэбдэ-* ‘душа болит; шемит под ложечкой’, где компонент пкл.-мо. *örü* [Tum. 125, 512], п.-мо. *örü* ‘внутренность чего-л.’ [Kow. 581], орд. *oro*, *or*, мог. *oura* ‘сердце, душа’ [EDAL 1064], по всей видимости, индицирует притупленное ощущение шемления под ложечкой, сопряженное с чувством тревоги, жалости. Впоследствии это ощущение было перенесено на анатомический орган, в котором наиболее велика жизненная активность.

Значения ‘страх, испуг; стыд’ в монгольских языках представлены в лексемах п.-мо. *sirbeġede-* ‘не знать куда деваться от стыда’ [Kow. 1531]; мо. *сэрд хий-*, *эрхий-* ‘замереть о сердце’; п.-мо. *sürüy-e* ‘страх, ужас’ [Kow. 1435]; п.-мо. *bürki-* ‘испугаться’ [Kow. 1262]; п.-мо. *kirü-* [Less. 473], мо. *хяр-* ‘замирать (от сильного страха)’; бур. *хурүү* ‘застенчивый’; п.-мо. *kirtki-* [Kow. 2553], мо. *хиртхий-* ‘быть пораженным ужасом’.

Корневой согласный [m] зафиксирован лишь в обозначениях гордости, высокомерия и обиды, при этом здесь мы уже имеем дело не с внутренними ощущениями, а со зрительным восприятием лица, точнее, губ человека:

пкл.-мо. *отиу* [Tum. 495], п.-мо. *отиу* [Kow. 412], мо. *омог*, бур. *омог*, калм. *омг*, ойр. *омог* 'гордость, высокомерие'; п.-мо. *тута*, мо. *тум* 'чванство, надменность'<sup>17</sup>; бур. *гом*, калм. *гом* 'жалоба, обида'. Здесь использование согласного [т] сопряжено с произвольным движением мышц рта, сопровождающим ощущения и эмоции. Данные примеры демонстрируют возникновение психо-эмоциональных ассоциаций с акустическими характеристиками доминант.

В 4.4.5. «Кинестетическая чувствительность» исследуется лексическая экспликация таких витальных и органических ощущений, как бодрость, напряжение, ожидание, сексуальное напряжение, сила и физическое отвращение, которые возникают благодаря работе интероцепторов, в том числе проприорецепторов, находящихся в мышцах, сухожилиях и соединительных тканях, покрывающих внутренние органы. Корень \**ser* передает пробуждение, оживление: ср.-мо. *seri-* [HY 35, SH], *sere-* [HY 33, SH, LH], *sere-, seri-* [MA 320], *sir-* [IM], пкл.-мо. *sere-, seri-* [Tum. 550], п.-мо. *sere-* [Kow. 1370], мо. *сэр*-, бур. *хэру*-, калм. *сеп*-, орд. *sere-*, мог. *sera-*, даг. *sere-*, дунс. *sieri-*, бао. *sere-*, ж.-уйг. *ser-*, мнгр. *sari-* [EDAL 1219] 'воспрянуть; просыпаться'. Пмонг. \**seri-* 'просыпаться; замечать' сопоставляется с Птюрк. \**sEr-* (~*ě-*) 'чувствовать, воспринимать' [EDAL 1219].

В монгольских языках можно выделить ряд образных лексем, которые можно охарактеризовать как обозначения напряжения. Несомненную ценность для этимологизирования представляет глагол п.-мо. *kürbeyi-* 'напрягаться (о жилах)', зафиксированный О. М. Ковалевским [Kow. 2646] и не упоминающийся в современных монголоязычных словарях. Согласный [r] в образном корне \**kürb* указывает на достаточно высокую степень напряжения сухожилий, которое, судя по субстантивам, передается с помощью корней \**qurb* и \**sirm/sirb*: п.-мо. *qurbasu*, мо. *хурвас* 'жила, сухожилие'; ср.-мо. *sirmusu* [SH], *sirbusun* [HY 48], *sirbüsün* [LH, IM], *sirbüsün* [MA 130], пкл.-мо. *sirbüsün* [Tum. 565], п.-мо. *sirbusu(n)*, *sirmusu(n)* [Less. 716], мо. *шормөс(өн)*, бур. *шүрмэһэн*, *шүрбэһэн*, калм. *шүрүсэн*, ойр. *шүрвөсен*, орд. *šorwos*, *šorwosu*; даг. *sirbes*, *sirbus*, мнгр. *šбузэ*, *šүлүзэ*, *šurbusə* [EDAL 1383–1284] 'жила; сухожилие; нервы'. Напряжение различных групп мышц тела соотносится с напряжением мышц артикуляционного аппарата.

Благодаря проприорецепторам человек может чувствовать не только положение тела, движения, но и силу. Данный аспект вербализации ощущений отразился в следующих лексемах: п.-мо. *ir*, мо. *ур* 'сила, мощь, энергия; воля, желание, охота, стремление'; п.-мо. *urm-a* [Kow. 468], мо. *урам*, бур. *урма(н)*, калм. *урмд*, ойр. *урма*, орд. *urta*, дунс. *uruma* [EDAL 621] 'настроение; ободрение; охота, желание'; п.-мо. *dorbi* [Less. 262], мо.

<sup>17</sup> Ср. англ. *to prim* 'принимать строгий, официальный вид; напускать на себя важность', *to prim (up) one's lips (mouth)* 'поджимать губы'.

*дорви* 'мощь, сила; способность'<sup>18</sup>, бур. *дорьбо* 'физическое состояние'; п.-мо. *bir-a* [Kow. 1152], мо. *бяр*, бур. *бира*, калм. *бар* 'сила, мощь'; п.-мо. *sür* [Kow. 1434]; мо. *сур*, бур. *хур*, калм. *сур*, ойр. *сур* 'величие; сила, мощь'; калм. *сурэ* 'воодушевление, подбадривание'. Для Пмонг. \**urta* помимо Птунг. \**uri* 'радоваться' авторы Алтайского словаря приводят Птюрк. \**ira* 'характер; настроение, проявление чувств' и Пяп. \**irid-* 'веселый, радостный', справедливо отмечая, что это «один из многочисленных общих алтайских терминов для выражения эмоций» [EDAL 621–622].

В ср.-мо. *erke* [MA 164], пкл.-мо. *erke* [Tum. 392], п.-мо. *erke* 'власть, могущество, сила; способность; воля' [Kow. 263], мо. *эрх*, бур. *эрхэ*, калм. *эрк*, ойр. *эрке* 'право, полномочие, власть' первоначальным, на наш взгляд, было значение 'внутренняя сила, энергия', что подтверждает п.-мо. *yabuqu erke ügei* 'не иметь силы, быть не в состоянии ходить' [Kow. 264]; пкл.-мо. *erketen* [Tum. 392], п.-мо. *erketen* [Kow. 265–266], мо. *эрхтэн*, бур. *эрхэтэн*, калм. *эрктн*, ойр. *эркетен* 'органы тела'. В твердорядном «отражении» ср.-мо. *arqa* [SH 9], *arya* [MA 105], п.-мо. *ary-a* [T 314], п.-мо. *ary-a* [Kow. 158], мо. *арга*, бур. *арга*, калм. *арһ*, ойр. *арһа*, орд. *arGa*, даг. *arga*, *arehe*, дунс. *raG*, ж.-уйг. *arag*, мнгр. *arGa* [EDAL 313] 'способ, метод', по всей видимости, также исходной следует признать сему 'сила, способность совершить что-л.'. Ср. п.-мо. *arqay*, мо. *архаз* 'большой, сильный, могучий'.

На основе значения 'сильное желание, стремление' возникли следующие формы: ср.-мо. *jöri-* [MA 208], пкл.-мо. *jöri-* [Tum. 435], п.-мо. *jöri-* [Kow. 2402], мо. *зори-*, бур. *зори-* 'стремиться; направляться, устремляться'; п.-мо. *ermelje-* [Less. 281], мо. *эрмэлз-* 'стремиться; сильно желать, мечтать', бур. *эрмэлзэ-* 'настойчиво стремиться'; ср.-мо. *duran* [LH], *dura(n)* [SH, MA 145], пкл.-мо. *dura(n)* [Tum. 372–373], п.-мо. *dura(n)* [Kow. 1879], мо. *дур*, бур. *дуран*, калм. *дурн*, ойр. *дуран*, орд. *dura*, мог. *doron*, даг. *duar*, дунс. *duran*, ж.-уйг. *dura*, мнгр. *durān* [EDAL 483] 'желание, стремление; любовь'.

Сексуальное напряжение передается с помощью следующих лексем: пкл.-мо. *urin* [Tum. 607], п.-мо. *urin* [Kow. 439], мо. *урин* 'пылкая страсть'; п.-мо. *miraya*, *miriy-a* 'страсть, вожеление'; пкл.-мо. *qurica-* [Tum. 537], п.-мо. *qurica-* 'чувствовать вожеление' [Kow. 956–957], мо. *хурьца-* 'чувствовать половое влечение', бур. *хуриса-*, калм. *хурц-* 'вожелеть'. Физическое отвращение, сопровождаемое содроганием, выражается с помощью корней \**ir/|ir/|ar*, которые также формируют поле термальной рецепции: п.-мо. *jarayi-*, мо. *зарай-* 'мороз по коже дерет', калм. *ирвэтр-* 'знобить'. В связи с этим в русском языке выглядит неслучайной близость корней *мур-*

<sup>18</sup> Болг. *зор* 'власть, сила', сербохорв. *зоp* 'ярость, вспыльчивость' восходят через тур. *zor* к перс. *zōr* 'сила', авест. *zāvar-* 'мощь, сила' [Фасмер, 1971, с. 81].

ашки, мёрз-нуть и мерз-ость. Бур. *жэрхэ*- 'чувствовать отвращение, брезговать'; мо. *зарс хий*- 'мгновенно чувствовать неприязненность'; п.-мо. *irbeyi*-, *irbegene*-, мо. *ирвий*-, *ирвэгэнэ*- 'ощущать прикосновение к телу насекомого, меха, волос' имеют тюркские параллели: *йер*~*йери*~*йарсы*- 'чувствовать брезгливость'. В т.-ма. языках: звенк. *Жаруни*-, ульч. *н'ирбасу*-, нан. *ирбаси*- 'брезговать' [ССТМЯ, 1975, с. 253, 639].

Артикуляционный признак губно-губного [m], при произнесении которого происходит смычка, сжимание губ, обусловил функционирование звуко-символического корня \**čim*, условно воспроизводящего звук щипания пальцами: п.-мо. *čimki*- 'щипать; срывать ногтями' [Kow. 2172], *čimči*- [Less. 185], мо. *чимхэ*-, бур. *шэмхэ*-, калм. *чимк*-, орд. *čimke*-, даг. *čičk*, бао. *čojGə*-, ж.-уйг. *čimke*, мнгр. *činggi*-, *čimč*- [EDAL 430] 'пощипывать; защемлять'. Корень \**čim* восстанавливается в других языках алтайской общности: Птюрк. *čim*- 'щипать, брать щипком', Птунг. *č[i]m*- 'хватать когтями; ковырять в зубах; брать щипком', Пяп. *tim*- 'срывать, хватать пальцами', Пкор. \**čim* 'кулак; горсть' [EDAL 430].

На истоки развития значения ср.-мо. *kimusun* [HY 46, SH], *kimul* [SH], *qimusun* [LH, IM], *qimusun* [MA 298], пкл.-мо. *kimusu* [Tum. 449], п.-мо. *kimusu(n)* 'когти (у птиц и хищных зверей); ногти' [Kow. 2538], мо. *хумс*, бур. *хюмһа(н)*, калм. *хумсн*, ойр. *хумсан*, орд. *ximusu*, мог. *qimsun*, *qetsun*, даг. *kimči*, *kimeči*, дунс. *Gəmusun*, *Gimusun*, бао. *Gomsoj*, ж.-уйг. *xəməsən*, мнгр. *čimuzə*, *čimuzə* [EDAL 819] 'ноготь; коготь' проливает свет субстантивная форма п.-мо. *kimsa*, мо. *хямсаа* 'пинцет, ухват, щипцы', в которой корень \**kims* вполне сопоставим с \**čimk*. Ср. каз. *кымты*- 'защемить' [Кайдаров, 1986, с. 255]. В таком случае слово *kimusun* можно интерпретировать как 'нечто, с помощью чего можно зашпунуть, выдернуть что-л.'.

Воплощение в корне \**nim* образа 'нечто тонкое', несомненно, продиктовано артикуляторными особенностями согласного [m]: сжимая губы, человек символически передает тонкость описываемого объекта: ср.-мо. *ningen* [HY 53], *nimgen* [IM], *nimgen* [MA 257], пкл.-мо. *nimgen* [Tum. 484], п.-мо. *nimgen* [Kow. 663], мо. *нимгэн*, бур. *нимгэн*, калм. *нимгн*, ойр. *нимген*, орд. *netgen*, *nimgen*, *netgun*, даг. *ningen*, дунс. *ninkien*, *ninkian*, бао. *niŋgaj*, ж.-уйг. *netgen*, *neŋgen*, мнгр. *neŋgen* [EDAL 989] 'тонкий (о плоских предметах)'. Прилагательное образует изоглоссу с Птунг. \**net(i)*- 'тонкий' [EDAL 989].

В ряде лексем согласный [m] благодаря смыканию губ передает процессуальное значение стягивания, затягивания чего-л.: п.-мо. *отиуи*-, мо. *омой*- 'стягиваться, собираться в складки (напр. о коже от ожога)'; п.-мо. *qatki*-, мо. *хамхи*-, ойр. *хамха*- 'смыкать, закрывать'. Процесс стягивания ярко отражен в субстантивах: п.-мо. *qombuq-a*, *qimbay-a*, мо. *хомбого*, *хумбага* 'мешок с отверстием, стягиваемым ремнем'; п.-мо. *šumal* [Kow. 1541], п.-мо. *sumal*, мо. *сумал* 'небольшая войлочная сумка (для зерна)'. Идея собирания чего-л. воедино, в центр, на наш взгляд, заложена в пкл.-мо.

*qam-* [Тум. 519], п.-мо. *qam-*, *tama-* [Kow. 807, 1643], мо. *хам-*, *там-*, бур. *хама-*, калм. *хам-*, ойр. *хама-* 'захватывать все; сгребать'; п.-мо. *џоти-* [Kow. 1403], мо. *џом-*, бур. *сомо-* 'стоговать сено; складывать в кучу'. Рассмотренные в данном разделе лексемы вытекают из изобразительного потенциала [m] как губно-губного звука, передающего значения 'сжимать', 'щипать', 'стягивать', 'собирать воедино' и др.

В заключении обобщаются результаты исследования и формулируются характерные особенности актуализации чувственного восприятия средствами корневых согласных [r/m] в монгольских языках.

Описание типологических и специфических признаков пласта лексики с корневыми согласными [r/m] позволило выявить семиотические, психологические, психофизиологические и лингвистические основания звуко-символической сущности языка, поскольку исследование возможностей фоносемантики предполагает рассмотрение не только языковой системы, но и языковой личности – личности, осуществляющей номинацию. Особую ценность представляет выявление особенностей мыслительной деятельности в процессе номинации, поскольку, как известно, сущность языковых единиц понимается отчетливее, когда прослеживаются механизмы их создания.

Если учесть, что понятие наделено образностью, то выражение понятия означает облечение его в словесную форму с учетом того, что в доминанте закодированы сведения о конкретных свойствах обозначаемой вещи, явления. Доминанта формирует целый класс сходных предметов, объединенных тем или иным генеральным признаком. В связи с этим в качестве этимонов необходимо рассматривать не конкретные предметы или действия, а образы, иначе образные отклики, возникающие в сознании носителей языка при предъявлении той или иной звуковой оболочки.

Так, если яркое образное прилагательное *балсагар* 'полный, толстый' имеет коррелят в субстантивной сфере *балсан* 'мышцы, мускулы', а прилагательное *балтагар* 'толстый и неуклюжий' – коррелят *балта* 'молот, кувалда', то не обязательно существенные следует считать основами для развития образных значений. К сожалению, зачастую исследователей не интересует происхождение «готовых» слов со значениями 'мышцы', 'топор' и др. У носителей языка при предъявлении форм *балсагар* [хүн], *балхагар* [гар] в первую очередь явственно возникает в сознании образ полного человека, пухлых рук. При этом люди часто пытаются помочь себе руками передать оттенки того или иного образа (например, *морхогор*, *мархагар*, *нарнагар*, *пирнагар* – о носе) или приводят в качестве примера конкретного человека, «сверх меры» наделенного данным признаком. Поэтому и *балсагар* 'полный, толстый', и *балсан* 'мышцы, мускулы' следует считать производными от омертвелога дескриптивного корня \**bals* со значением 'нечто пухлое, толстое', при этом субстантив следует признать хронологически более поздним образованием, номинально «вырвавшим-



ся» за пределы образной лексики, но сохранившим с ней тесную морфологическую и семантическую связь.

В изысканиях ученых по звукосимволизму на материале разноструктурных языков сформулировано около двухсот фоносемантических закономерностей, или универсалий, которые делятся на абсолютные и относительные. Наше исследование подтвердило такие абсолютные универсалии, как: звукоизобразительные (ЗИ) слова образуют систему; между ЗИ-словом и его денотатом существуют закономерные соответствия; умножение состава корня ЗИ-слова есть одно из средств интенсификации его значения; минимум один фонемотип в ЗИ-слове имеет природу, идентичную природе денотата; элемент строения денотата может отражаться в ЗИ-слове более чем одним способом; стержневым компонентом ЗИ-слова класса фреквентативов служит [r]; частота появления лабиальных в обозначениях округлого значительно превышает вероятное ожидание. К материалу изобразительной системы в монгольских языках применимы следующие относительные универсалии: обозначения «большого», «открытого», «широкого» содержат открытый широкий гласный; обозначения «малого» содержат закрытый узкий гласный или палатальный согласный; обозначение «темного» содержит низкий (по тону) гласный.

Таким образом, изобразительная лексика монгольских языков поддается классификации и может быть выделена в изобразительную систему языка, которой присущи такие признаки системы, как концепт (звукоизобразительность как системообразующее свойство), субстрат (доминанта как носитель звукоизобразительности) и структура (трихотомия, включающая генетический, диахронический и синхронический аспекты).

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что совокупность первичных основ в монгольских языках делится на группы в зависимости от способа поступления перцептивной информации, каждая из которых примыкает к определенному звуковому материалу и из него образована. Широкий спектр образных корней служит для передачи тончайших нюансов качеств, формирует богатый словарь для обозначения предметов и явлений, порой отличающихся друг от друга едва заметными, незначительными признаками.

Дрожащий сонант [r] передает дрожание, трепетание, обусловленные самим качественным своеобразием звука и в большинстве случаев ведущие к внутреннему дискомфорту. Способность доминанты [r] передавать восприятие холода и жары, зловония и аромата, состояние счастья и тревоги обусловлена тем, что они представляют собой крайнюю степень проявления противоположных начал. Так, глагол п.-мо. *orgi-*, мо. *orgi-*, бур. *урья-* имеет общее значение 'обдавать', сочетающееся с лексемами, связанными с разными видами рецептов: холодowymi (мо. *нуруу хуйт орги-* 'обдавать холодом в спину', бур. *нэрюу урья-* 'веять прохладой'); тепловыми (мо. *чих халуу оргиулж байна* 'уши пылают', бур. *халуу урья-* 'обда-

вать жаром') и обонятельными (мо. *өмхий орги*- 'отдавать зловонием'). Прилагательное п.-мо. *qurča* (ср. рус. *резкий, острый*) также применимо к реалиям, относящимся к различным сенсорным модальностям: слуховой (*хурц сонор* 'острый слух'), зрительной (*хурц гэрэл* 'яркий свет', *хурц өнцөг* 'острый угол'), тактильной (*хурц өвчин* 'острая боль'), обонятельной (*хурц цоргисон үнэр* 'резкий запах') и вкусовой (*хурц идээ* 'острая еда'). Данные примеры свидетельствуют о синкретизме семантики языковых единиц, семантических признаках, мотивирующих метафорические и метонимические переносы в интермодальные сферы, о явлении синестезии в области обозначения физических ощущений.

В лексемах с доминантой *[m]* принципиальное значение имеет как место артикуляции – губы, так и способ артикуляции – сжатие губ, поскольку именно они послужили источником символизации признаков в процессе номинации. Исследование подтвердило способность кинем служить мимическими подражаниями процессам и формам внешней природы.

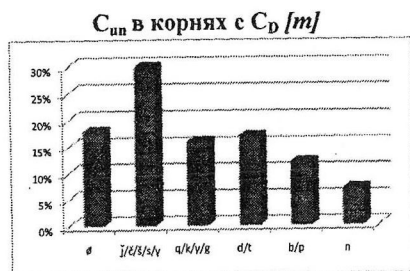
В работе выявлено 588 корней четырех типов, из них 75 % приходится на корни с доминантой *[r]*. Наряду с изобразительной лексикой было проанализировано 760 единиц с затемненной этимологией, процентное соотношение частей речи выглядит следующим образом: существительные – 75 %, глаголы – 17 %, прилагательные – 7 %, менее 1 % приходится на числительные, наречия и превербы.

О соотношении анлаутных и ауслатных согласных можно судить по данным следующих диаграмм.

Диаграмма 1



Диаграмма 2



Как видно, позиции согласных в анлауте примерно одинаковы, за исключением того, что согласный *[m]* не может выступать в позиции как анлаута, так и ауслата.

Диаграмма 3

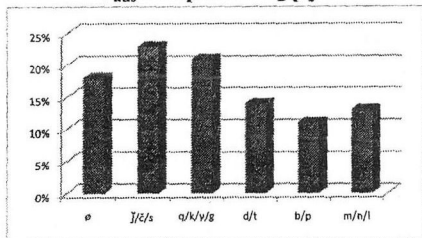
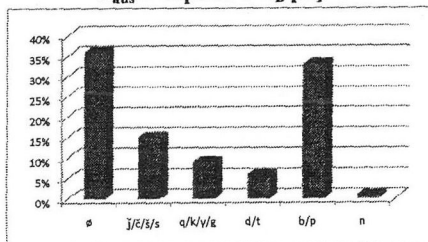
 $C_{aus}$  в корнях с  $C_D [r]$ 

Диаграмма 4

 $C_{aus}$  в корнях с  $C_D [m]$ 

В финальной позиции корней с доминантой  $[r]$  активны как аффрикаты, спиранты, так и смычные согласные. Менее представлен в ауслaute блок сонантов  $[m/n/l]$ , доминанта  $[m]$  также с ними практически не сочетается. По всей видимости, это можно объяснить тем, что и сами  $[r/m]$  относятся к сонорным согласным. Отмечается высокая степень сочетаемости доминанты  $[m]$  с смычными  $[b/p]$ .

С точки зрения фоносемантики можно прийти к выводу, что «сильный» согласный  $[r]$  стремится к сочетанию в ауслaute с такими же «сильными» согласными, как  $[ʃ/č/s]$ ,  $[t/d]$ , которые усиливают проявление генерального признака. «Смягчающие» же семантику согласные  $[b/p]$ ,  $[m/n/l]$  занимают по отношению к ним периферийную позицию. Например, в *арзгар* 'оскаленный' аффриката  $[ʃ]$  подчеркивает генеральный признак 'торчащий, остроконечный', смычный  $[b]$  в *арвагар* 'лохматый' его смягчает. Что касается влияния смычных  $[q/k/γ/g]$  на семантику корня, то их позицию можно признать нейтральной в связи с тем они наиболее органично передают финальную фазу звучания, не придавая ему оттенка резкости, внезапности.

«Мягкая» доминанта  $[m]$  также стремится к сочетанию с «мягкими»  $[b/p]$ , образуя кластер  $[mb]$ , встречающийся в 33 % производных. Активность «сильных» согласных ниже более чем в два раза, что верифицирует тенденцию к сочетанию «сильной» доминанты с «сильным» ауслaутом и «мягкой» доминанты с «мягким» ауслaутом. Исследование других согласных в позиции доминанты и их сочетаемость с согласными в финальной позиции в дальнейшем позволят подтвердить или опровергнуть эти выводы.

Широкая вариативность гласных в составе изобразительных корней монгольских языков позволила нам приложить данный признак и к корням, формирующим лексику с затемненной внутренней формой. В образ-

ных корнях нами выявлена тенденция к обозначению с помощью гласного [a] более крупных объектов, а гласного [u] – более мелких.

Сопоставление слов с доминантами [r/m] в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках свидетельствует, что все они с незначительными отклонениями охватывают один и тот же диапазон звуков, отражая сходство фонематического и естественного звучания согласно своей фонетической традиции. Границы фоносемантических полей доминант во многом совпадают. Несомненно, дальнейшее изучение звукосимволических свойств других согласных в роли доминант позволит уточнить некоторые проведенные в данной работе реконструкции, которые вносят определенный вклад в выявление общих генеральных линий воплощения перцептивной информации в монгольских, и шире в алтайских языках.

Фоносемантический анализ лексем с корневыми согласными [r/m], демонстрирующих законсервированное древнее состояние монгольских языков, позволил установить исконный корневой состав монгольских языков и в определенной степени раскрыть его номинационный потенциал. Следует признать, что не все лексемы с доминантами [r/m] поддаются точной этимологизации, что объясняется сложностью ассоциативной линии и синкретичностью значений лексем. Но, тем не менее, исследование демонстрирует очевидную тенденцию полевого структурирования значений, объединенных общим элементом – звуком. Дальнейшее изучение звукосимволических свойств других согласных в роли доминант, несомненно, позволит уточнить и, возможно, изменить некоторые проведенные в данной работе реконструкции, которые вносят определенный вклад в выявление общих генеральных линий воплощения перцептивной информации в монгольских, и шире в алтайских языках.

### Основные публикации по теме диссертации

#### Монографии

1. *Сундуева, Е. В.* Проприальное словообразование в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2005. – 131 с. – 7 п.л.
2. *Сундуева, Е. В.* Топонимия Ольхона и Приольхонья: семантика онимических основ / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 128 с. – 7,5 п.л.
3. *Сундуева, Е. В.* Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 344 с. – 22 п.л.

#### Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

##### для публикации основных положений докторской диссертации

4. *Сундуева, Е. В.* Способы фонетической адаптации морфов в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 18: Востоковедение. – Улан-Удэ, 2005. – Вып. 1. – С. 103–109. – 0,5 п.л.

5. Сундуева, Е. В. Архаическая ландшафтная лексика в языке «Сокровенного сказания монголов» / Е. В. Сундуева // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2009. – № 39 (177). – С. 140–144. – Сер. «Филология. Искусствоведение». Вып. 38. – 0,5 п.л.

6. Сундуева, Е. В. Аффиксация образных слов в монгольском языке / Е. В. Сундуева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2010. – № 1 (20). – С. 91–94. – 0,4 п.л.

7. Сундуева, Е. В. Аспекты номинации диких и травоядных животных в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – Махачкала, 2010. – № 3(12). – С. 103–107. – 0,5 п.л.

8. Сундуева, Е. В. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным [r]) / Е. В. Сундуева // Mongolica-IX: сб. ст. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 99–102. – 0,5 п.л.

9. Сундуева, Е. В. Изобразительная природа гидрографической терминологии в языке «Сокровенного сказания монголов» / Е. В. Сундуева // Научная мысль Кавказа. – Ростов / Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2010. – № 4. – Ч. II. – С. 42–45. – 0,4 п.л.

10. Сундуева, Е. В. Интерпретация ощущения боли и чувства страха в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Филология. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – Вып. 10. – С. 132–136. – 0,6 п.л.

11. Сундуева, Е. В. Образная семантика орографической терминологии в языке «Сокровенного сказания монголов» / Е. В. Сундуева // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2010. – № 3. – С. 154–158. – 0,6 п.л.

12. Сундуева, Е. В. Особенности реализации вкусового восприятия в монгольских языках (на примере односложных корней с дрожащим сонантом r) / Е. В. Сундуева // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2010. – № 13 (194). – С. 132–136. – Сер. «Филология. Искусствоведение». Вып. 43. – 0,5 п.л.

13. Сундуева, Е. В. Специфика реализации диады «мужское – женское» в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2010. – № 2. – С. 121–126. – 0,6 п.л.

14. Сундуева, Е. В. Фоносемантические функции согласного [m] в односложных корнях монгольских языков / Е. В. Сундуева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2010. – № 126. – С. 194–200. – 0,5 п.л.

15. Сундуева, Е. В. Реализация признака «пестрый» в монгольских названиях насекомых и растений / Е. В. Сундуева // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 151–156. – 0,6 п.л.

16. Сундуева Е. В. Актуализация обонятельного восприятия с помощью корневых согласных [r/m/n] в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – Махачкала, 2011. – № 2(15). – С. 149–153. – 0,5 п.л.

17. *Сундуева, Е. В.* Парадигматический аспект морфонологии в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева // Актуальные проблемы языков, истории, культуры, образования в странах АТР: материалы докл. III Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых преподавателей. – Владивосток, 2003. – С. 236–238. – 0,2 п.л.
18. *Сундуева, Е. В.* The functioning of stems of figurative words in the modern Mongolian language / Е. V. Sundueva // The International Symposium on Mongolian Studies of China. – Huh-hot, 2005. – P. 82. – 0,1 п.л.
19. *Сундуева, Е. В.* Монгол хүний нэрийг дагаврын аргаар бүтээх нь / Е. В. Сундуева // Монгол судлалын эрдэм шинжилгээний бичиг. – Улаанбаатар, 2005. – X. 69–78. Боть XXV (248). – 1 п.л.
20. *Сундуева, Е. В.* Аффиксы прилагательных со значением возможности / невозможности действия в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева // Санжеевские чтения-6 : Актуальные проблемы монголоведения : материалы всеросс. конф. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 104–105. – 0,3 п.л.
21. *Сундуева, Е. В.* Административно-территориальная терминология автономного округа Внутренняя Монголия КНР / Е. В. Сундуева // Имя. Социум. Культура : материалы II Байкальской междунар. ономастич. конф., Улан-Удэ, 4 – 6 сент. 2008 г. – Улан-Удэ, 2008. – С. 171–174. – 0,5 п.л.
22. *Сундуева, Е. В.* Ойконимическая терминология в топонимии АО Внутренняя Монголия (КНР) / Е. В. Сундуева // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VI Всерос. науч. конф. / Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2008. – С. 117–121. – 0,4 п.л.
23. *Сундуева, Е. В.* Культурные места бурят: Бархан, Ольхон и Алханай / Е. В. Сундуева // Язык как народное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия : сб. тр. междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 9 – 13 сент. 2009 г. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 218–225. – 0,4 п.л.
24. *Сундуева, Е. В.* Лексическая экспликация семемы «поклонение» в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований : материалы междунар. конф., посв. 70-летию проф. В.И. Рассадина, Элиста, 11 – 13 нояб. 2009 г. – Элиста, 2009. – С. 187–189. – 0,3 п.л.
25. *Сундуева, Е. В.* Острова Приольхонья: структурно-семантический анализ / Е. В. Сундуева // Межкультурная коммуникация: аспекты лингводидактики : материалы межвуз. метод. семинара, 20 нояб. 2009. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2009. – Вып. 2. – С. 118–122. – 0,3 п.л.
26. *Сундуева, Е. В.* Остров Ольхон: к семантике названия / Е. В. Сундуева // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему : материалы IV междунар. симп. / науч. ред. Р. И. Пшеничникова. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. – С. 505–510. – 0,3 п.л.
27. *Сундуева, Е. В.* The phenomena of interfixation in the modern Mongolian language / Е. В. Сундуева // Comparative Study on culture of Transnational Nomadic Peoples: materials of the 16<sup>th</sup> world congress / The international union of anthropological and ethnological sciences, July 27 – 31. – Kunming (China), 2009. – P. 20. – 0,1 п.л.
28. *Сундуева, Е. В.* Звукоподражательная основа глаголов речевой сферы с корневым сонантом [r] / Е. В. Сундуева // Монгол судлалын чуулган. – Улаанбаатар, 2010. – Боть № 9 (44). – 39–48-р х. – 0,6 п.л.

29. Сундуева, Е. В. Круговой танец бурят *ёхор*: к семантике термина / Е. В. Сундуева // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 200–207. – 0,4 п.л.

30. Сундуева, Е. В. Номинационный потенциал корня \**ʃir* в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Языковое бытие и этноса : когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения). – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – Вып. 17. – С. 167–174. – 0,5 п.л.

31. Сундуева, Е. В. Роль словообразовательного суффикса *-нга* в бурятских гидронимах / Е. В. Сундуева // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: материалы межвузовского методического семинара, 16 марта 2010 г. – Вып. 5. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2010. – С. 146–151. – 0,3 п.л.

32. Сундуева, Е. В. Семантическая реконструкция монгольских гидронимов *Керулен* и *Селенга* / Е. В. Сундуева // Монгол судлал өөрчлөгдөн буй ертөнцөд : хөгжлийн хэтийн төлөв : ОХУ-ын нэрт Монголч эрдэмтэн Н. О. Шаракшиновагийн мэндэлсний 95 жилийн ойд зориулагдсан олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2010. – 276–254-р х. – 0,5 п.л.

33. Сундуева, Е. В. Семантическая структура слова *aral* в монгольских языках / Е. В. Сундуева // «Нүүдлийн соёл иргэншил ба буриад-монголчууд» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2010. – С. 263–268. – 0,5 п.л.

34. Сундуева, Е. В. Символическая функция корневой фонемы [r] в некоторых монгольских соматизмах / Е. В. Сундуева // Языки и письменные источники монгольских народов : материалы междунар. науч. конф., проведенной в рамках Конвента монголов мира. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 29–33. – 0,5 п.л.

35. Сундуева, Е. В. Фоносемантическая характеристика согласного [r] в односложных основах монгольских языков / Е. В. Сундуева // Языковое бытие и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения). – М. : ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – Вып. 16. – С. 213–219. – 0,5 п.л.

36. Сундуева, Е. В. Языковая интерпретация тактильного восприятия в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры: материалы регион. науч.-практ. конф., Иркутск, 23 апр. 2010 г. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – С. 86–94. – 0,5 п.л.

37. Сундуева, Е. В. Репрезентация процессуального значения ‘дышать’ в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: материалы научной сессии, посв. 60-летию проф. Л. В. Шулуновой. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 142–145. – 0,4 п.л.

38. Сундуева, Е. В. Звукосимволическая основа числительных *yurban*, *dörben* в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Монгол судлалын чуулган. – Улаанбаатар, 2011. – Боть № 10 (45). – Дэвтэр 1-39. – 51–56-р х. – 0,5 п.л.

39. Сундуева Е. В. Монгол хэлний дүрслэх үгсийн язгуур, дагаврын бүтэц / Е. В. Сундуева // Гадаадын залуу монгол судлаач эрдэмтдийн зуны сургууль. – Улаанбаатар, 2011. – 227-232-р х. – 0,4 п.л.

Подписано в печать Формат 60 x 84 1/16.  
Усл. печ. л. 3,3. Тираж 100. Заказ 1152.

Издательство Бурятского госуниверситета  
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а  
giobsu@gmail.com